

Сергей Комяков

ПОСРЕДНИК

Сергей Комяков

Посредник

«Издательские решения»

Комяков С. С.

Посредник / С. С. Комяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901378-1

Книга посвящена фантастическому миру России XXIV века, который может сложиться, если в России не произойдут значительные изменения. Адресована широкому кругу читателей

ISBN 978-5-44-901378-1

© Комяков С. С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Холод	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	30
Часть вторая. Каналами дьвола к устью Коцита1	37
Глава 1	37
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Посредник

Сергей Сергеевич Комяков

© Сергей Сергеевич Комяков, 2017

ISBN 978-5-4490-1378-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Холод

Глава 1

Холодный ветер упруго рвал трехцветный флаг с коронованным золотым орлом. В такую погоду хотелось сидеть дома, а не тащиться на рабочее место. Даже если ты Президент великой России.

Охранник, таскавший в кармане черного пальто тяжелый пистолет с разрывными пулями, приоткрыл осевшую скрипевшую дверь. И президент, словно невзрачный зверек, скрывавшийся от холода и ветра, шмыгнул вглубь теплых кремлевских апартаментов.

Несколько переходов, пара лестниц и перед главой государства оказались двери его кабинета.

– Господин Президент, – секретарь протянул Президенту папку с государственной символикой России, – все уже собрались. И они уже ждут.

– Подождут, – глухо отозвался не любивший опаздывать Президент, – я просмотрю документы в кабинете и потом выйду. Предупреди министров.

Секретарь легонько хлопнул роскошными ресницами и покорно склонил голову, понимая, что спорить бесполезно.

Легкая пластиковая дверь не спеша откатилась и пропустила владельца в кабинет.

Оказавшись в кабинете, Президент нетерпеливо сбросил задубевшую кожаную куртку, сорвал перчатки и протянул руки к жаркому обогревателю. В окно кабинета дул колючий ветер, но в помещении было приятно. Особенно когда приходишь с холода. Слегка отогревшись, Президент плюхнулся в кресло, потянулся в приятном тепле. Раскрыл папку, данную секретарем.

Первым, как полагалось по регламенту, лежал двухдневный прогноз погоды.

«Сегодня до минус 25, ветер южный, слабый, завтра минус 25 – 28, ветер умеренный юго-восточный».

Президент легонько усмехнулся: «Не так уж и плохо для начала лета. Как – никак июнь».

Далее лежал доклад секретной службы зачистки, министерства обороны, министерства экономики. Президент их вяло перелистал, отметив, что срочных и тревожных сообщений сегодня нет.

Настроение главы государства обогревшегося в кабинетном тепле улучшилось, и он тихо приказал настольному коммуникатору:

– Секретаря.

На экране коммутатора возникло внимательное лицо секретаря.

– Слушаю господин Президент России.

– Все собрались? – поинтересовался Президент, разминая руками бычью шею.

– Так точно, господин Президент, – секретарь изобразил скучающий вид, передавая настояние собравшихся министров.

– Хорошо, – протяжно сказал Президент, – хорошо, очень хорошо, я уже иду. Оповести этих дармоедов.

– Слушаюсь, господин Президент, – отозвался секретарь.

Президент упруго поднялся на ноги. Коммутатор погас. Президент повернулся к зеркалу с электрическим подогревом. На Президента из зеркала смотрел невысокий, стройный мужчина лет пятидесяти. Его лицо было маловыразительным, как у всех профессиональных политиков. Узкие серые глаза внимательно и настороженно смотрели. Портрет завершала редкая шевелюра с большими залысинами. Президент России поправил галстук, улыбнулся тонкими бескровными губами и решительно вышел.

Конференц-зал был холоднее главных помещений Кремля. Так повелось издавна. И в этом был прямой намек на срочность правительственных совещаний. Такие намеки совсем не нравились министрам. И когда Президент опаздывал, то его встречала группа нахохлившихся как ископаемые снегири чиновников. Сегодня все обошлось – Президент России скорой энергичной походкой вошел в зал. Часовой у двери громко гаркнул:

– Президент Великой России Георгий Константинович Жаров.

Министры задвигались и сбросив оцепенение холода, обернулись к Президенту. Он быстро прошел к своему креслу с электроподогревом. Президент быстрым жестом призвал министров к вниманию.

– Господа, – улыбнулся усевшийся в кресло Президент России, – не будем тратить время по пустякам и начнем.

Одобрительный шум министров был ответом.

– Как наша энергетика, – буднично спросил Президент.

– Погода стоит теплая, – быстро заметил министр теплоснабжения, – и отопление удалось снизить на 7, 5 процентов. Экономия налицо. Сейчас мы можем экономить энергию и покрыть наши зимние затраты.

– Ага, – резко перебил его министр энергетики, – еще несколько дней без ветра и придется подумать об отключения некоторых спальных районов. Ветряки и так еле крутятся. И все из-за этой теплой погоды без ветра. Не будет ветра не будет и энергии.

– Хорошо, хорошо, – махнул рукой Президент Жаров, – вы еще подеритесь. Погода ведь действительно классная. Давно такой не было.

Так опытный демагог затронул приятную тему, и зал оживленно зашумел. Уставшие от морозов и ураганного ветра люди действительно были рады короткой передышке подаренной погодой. Дав министрам выговориться, Президент четко перехватил инициативу:

– А как дела в Министерстве внутренних дел.

Дородный министр в синтетическом комбинезоне с идентификационными кодами на плече вскочил и пробормотал:

– Прекрасно господин Президент. Замерших нет. Народные волнения в пределах нормы. Отлов атлантистов продолжается. Предателей разоблачаем постоянно и неустанно. Для Вашего опасения нет причин. На следующий месяц запланировано восемь показательных процессов. С расстрельными делами, разумеется. Так мы выполняем ваш наказ об усилении борьбы с преступностью в России.

Посмотрев на министра внутренних дел, Президент не мог сдержать улыбку. Слишком уж исполнителем был его ставленник. Махнув кистью руки Жаров, усадил министра внутренних дел.

– Теперь оборона, – сменил тему Президент, и в зале стало тихо.

Василий Сенкевич министр обороны замялся. Его направление с некоторого времени стало самой больной проблемой правящей элиты. Наверно, именно из-за чрезмерного внимания к обороне предшественник Сенкевич опозорился. Надорвался на ответственной работе. И на выставке оружия он вставив в рот новейшее энергоружье выстрелил. Ходили слухи о передозировке министром обороны правительственного инсулина, но они быстро улеглись, растаяли в воспитательных домах.

– Ну, как дела у наших военных, – повторил вопрос, немного повысив голос Президент России.

Сенкевич подался вперед и навис над столом своим грузным торсом.

– Господин Президент, связь с нашими спутниками на орбите наладить так и не удалось. Нами предприняты неимоверные усилия. Уже выявлены вредители и подонки. Более того, они уже наказаны нашим гуманным судом. Но спутники молчат. На связь они не выходят.

В зале стало тягостно тихо.

– И это значит... – начал говорить Президент.

Но министр Сенкевич нерешительно перебил его:

– Это значит, то, что теперь наша армия осталась без спутников разведки и связи. Они и так вылетали все ресурсы. Еще лет десять назад. А последние годы летали просто на честном слове и за это им спасибо. Запускать спутники мы сейчас не можем. У нас нет ни спутников, ни ракет. Поэтому продеться обходиться без них.

– Теперь мы не будем ничего знать о налетах террористов? – поинтересовался министр иностранных дел Петренко.

– Не будем, – подавленно сказал Сенкевич, – не будем. Но мы сможем заменить спутники иными методами разведки.

– Какими? – насмешливо буркнул Петренко.

– Новыми, инновационными методами, – охотно пояснил Сенкевич, – эти методы как раз сейчас разрабатываются. И смею вас заверить, эти методы ничем не уступят лучшим зарубежным аналогам. А во многом и превзойдут их.

Петренко громко хмыкнул.

Президент России осуждающе посмотрел на министра иностранных дел. Петренко уткнулся в стол.

– Что еще, – спросил Президент, откинувшись в кресле.

Сенкевич дернул багровой шеей запечатанной в воротник бело-голубого маскировочного комбинезона:

– Ветер сейчас слабый и ждать планирующих бомб от мятежников Кавказа и Казани рано. Для бомб не сезон. Но скоро в страну хлынут толпы туристов из Европы и Азии и среди них снова окажутся матерые террористы. Этих террористов трудно вычислять и еще труднее с ними бороться.

– Да, – заявил министр сельского и гидропонного хозяйства Матвеев, – многим Святая Русь как кость в горле. Им бы только наше мясо жрать и дышать нашим прекрасным воздухом. А еще вредить нам. Шпионить и развращать народ. Давно пора прикрыть это окно в Европу. Запретить туризм.

– Зато иностранный туризм это приток валюты в страну, уважение и внимание к нашим проблемам, – возразил министр экономики Сергеев, – а это не маловажная деталь. И значительные доходы в государственный бюджет.

Сергеев в правительстве считался отъявленным западником.

– Да эти самые туристы только жрать будут, и на леса смотреть, – зло огрызнулся русофил-Матвеев, тряся окладистой бородой, – они только сожрут остатки нашего мяса. А взамен мы опять получим бумажки и железный лом.

– Если бы не эти бумажки, как вы говорите, – парировал слова оппонента Сергеев, – то наша армия останется без боеприпасов, а без железного лома нам никогда не завершить модернизацию промышленности. Приток валюты в страну необходим как воздух.

– Конечно, вы совершенно правы, – решительно поддержал Сергеева Петренко, – но спор бессмысленный. У нас есть четкие обязательства перед Евросоюзом о допуске на нашу территорию иностранных туристов. Пусть отдохнут, пусть едят наше мясо, пусть потратят свои деньги. Не беситься же европейцам в подземных бункерах. Нам надо понять людей, которые по триста шестьдесят дней в году сидят под землей. Да и крах наших европейских союзников нам не нужен.

– Это правильно, – весомо отметил Президент, – мы один из последних очагов цивилизации и наша цивилизаторская роль состоит в том, чтобы дышать и дать дышать другим. Мы не можем уподобиться какой-нибудь Великобритании и или Америке. Мы все-таки православные. Нам необходимо сохранять дружеские отношения с Европой. Они нам поставляют тех-

нологии и материалы. Мы отвечаем им допуском туристов. Это взаимовыгодный обмен. Если мы будем с ними конфликтовать, то нас раздавит между Китаем и Европой. Или вам хочется повторить судьбу США?

Министры притихли. Пример Штатов, уничтоженных в войне с Латинской Федерацией и мятежниками Китая был, слишком памятен. Даже внешне спокойный Сенкевич помотал головой, как бы отбрасывая видение разгрома американских снежных буеров при Юкатане.

– Так вот, – веско добавил Президент России Жаров, – пока мы нуждаемся в них и до тех пор будем с ними делиться ресурсами. Будем давать им дышать и жрать наше мясо. Здесь двух мнений быть не может. Это вопрос национальной безопасности. А потом, когда мы возьмем о них все, что нам надо мы распрощаемся с Европой. У нас свой путь и нам не по пути с этой гнилой демократией. У нас своя страна и своя, суверенная, демократия.

Министры, слушая объяснения Президента. Матвеев приуныл и стал что-то вычислять в портативном компьютере.

Президент отвернулся от Матвеева и тихо спросил:

– Что еще военные могут нам сообщить.

Сенкевич быстро осмотрел зал:

– Зовите меня голубчик, если вам не трудно, – попросил Президента Сенкевич. И министр обороны России взмахнул роскошными ресницами. Смутился и отвернулся.

«Как девка красная», – чертыхнулся Президент России.

Но министр обороны веже взял себя в руки:

– Угроза терроризма сейчас самая реальная. Это нас и беспокоит больше всего. А так, все в порядке, на лето Генеральный Штаб не планирует операций.

– Конечно, – рассмеялся Президент, – после разгрома кавказских мятежников на Дону и при Азове у них не скоро появиться желание выступать против нас. Они не захотят еще раз сразиться с нами!

– Да, – Сенкевич кивнул головой, – Кавказ мы уладили. А сейчас мы дополнительно готовим две дивизии с отрядом обеспечения для атаки Казани. Но это планируется зимой.

– Хорошо, – неожиданно влез в разговор министр иностранных дел Петренко, – это поднимет престиж России в мире и многие умники в Китае прикусят языки. Военные операции поднимают международный престиж России. Это именно так уважаемый голубчик.

Президент кивнул, а Сенкевич предположил:

– В новую зимнюю кампанию мы сможем окончательно разгромить полевые войска Казани и блокировать город. После чего мы приступим к правильной осаде.

– Да, дела, дела, – неожиданно зло насупился министр экономики Сергеев.

– Господин Сергеев, – поинтересовался у него Президент, – вы иметь возражения?

Сергеев отрешенно посмотрел на Президента:

– А пусть господин министр обороны сначала уточнит, каких ресурсов это потребует?

Сенкевич на несколько мгновений задумался, сверился с компьютером и ответил:

– Армии необходимо приобрести 450 – 500 снежных буеров, 120 – 150 планеров. получить рационы на 15 миллионов рабочих дней и около полумиллиона запасных стволов для энергооружия.

– И это все? – спросил министр иностранных дел Петренко, нетерпеливо передвигая по столу свой ноутбук.

– Фактически, – отозвался Сенкевич, – еще мы хотели бы призвать в армию сорок тысяч рабочих и сделать это летом, до июля. Призыв необходимо объявить немедленно. И лучше его не прекращать круглый год.

– И только-то, – вскрикнул Матвеев и дернул красной шеей, лицо его стало багроветь, – а откуда мне взять вам рабочих? А? вы забываете наше положение! Да скоро в гидропонике работать будет некому! Отток рабочих из промышленности колоссальный!

– Так точно, господин Президент, – повысил голос министр экономики Сергеев, – Матвеев говорит совершенно правильно. Ведь последняя война с Кавказом обернулась огромными потерями.

– Огромными?! Огромными?! Огромными?! – красный как помидор Матвеев ревел и плевался слюной, – только сельское хозяйство потеряло тридцать восемь тысяч человек безвозвратно, еще семьдесят тысяч вернулись безнадежными калеками! И этих калек нам надо кормить, поить, обогревать!

– Да, – согласился Сергеев, – для России с населением в двадцать четыре миллиона человек полмиллиона солдат в армии огромная цифра.

– Колоссальная, – проревел Матвеев, – колоссальная! А бесконечная борьба террористами уменьшает наше население. Потери такие, что нам скоро бабок на элеваторы придется отправить. Потом школьников к конвейеру. Отдав солдата в армию, мы теряем еще одного, чтобы обеспечить того первого, который ушел воевать. Сорок тысяч призыв – восемьдесят тысяч потери народного хозяйства! На хрен нам очередная война! На хрен нам великие победы над Кавказом и Казанью. На хрен нам международный престиж России! Дайте нормально развивать экономику!

Сенкевич сверкнул идентификационными табличками на плече:

– Положение таково, что если мы не разобьем Казань до следующей весны, то вряд ли удержим Сибирь. А Сибирь важнейший кирпичик нашей геополитики и геостратегии.

– Причем здесь Сибирь?! – на губах Матвеева выступила белая пена, – вы, завтра подумаете об этой Сибири! А сейчас в центре России жрать нечего! Нормы продовольствия урезаны в полтора раза! Урезаны даже передовикам производства! Что делать, когда в раздаче только эрзац-тушенка «Будущее России» и хлорерные вафли!

– Отправить войска для подавления мятежников, – внятно буркнул Сенкевич.

Матвеев повернулся к Сенкевичу и покрутил пальцем у виска. Сенкевич еще больше покраснел.

Президент России тихо кашлянул. Министры обернулись к нему, и только Сергеев с Матвеевым продолжали энергично жестикулировать, посылая друг другу сообщения со своих ноутбук.

– Попрошу тишины, – Жаров легко оттолкнулся в кресле, – план умирения окраин принят еще сто семь лет назад и с тех пор не изменился. Мы далеко продвинулись, и сейчас осталось подавить только отдельные выступления. Так к чему возражения?

– Отдельные? – снова сорвался Матвеев, – если отдельные, то пусть армия обойдется, на этот раз, без принудительной мобилизации. Пусть воюет своими силами!

– Конечно, – согласился с коллегой Сергеев, – если это разовые акции, то пусть воюют сами. Они ведь на всех углах твердят, что они профессионалы. А как война так давай им то то, то это. Пусть они побеждают своим профессионализмом. Им пора подтвердить свою репутацию.

– Но, как, же солдаты? Где брать солдат? Добровольцев мало, – понурый Сенкевич поковырял пальцем в доске стола, – мы не успеваем восполнять потери.

– А мы как всегда крайние, да? – Матвеев устало откинулся в кресле. В прохладном кабинете от его горячего дыхания шел пар, – мобилизация сорвет планы постоянного и постепенного роста ВВП. А ответственность возложат на нас.

– Со своей стороны могу отметить, то, что, не смотря ни на какие потери в людях наша промышленность умереть, не может, – заявил Сергеев, – у нас ее нету. Кроме пластиковых тазов и одноразовой посуды мы ничего еще можем производить.

– Все эти проблемы только закаляют наш народ. Между прочим, наше правительство очень популярно в российском народе, – подметил Президент России, – и это не смотря на полное отсутствие экономической и социальной политики. И смертность в полтора раза превы-

шающую рождаемость. А так же полностью разрушенную инфраструктуру страны. Даже наш поражения воспринимаются российским народом, как победы.

– Такая высокая популярность в подобной ситуации это лишнее свидетельство нашей исключительности. И особой роли Президента в жизни России, – энергично добавил Сенкевич.

– Вот с этим никто не спорит. Президент у нас всему голова. Только сильная президентская власть спасет страну от полной деградации, – сказал Матвеев.

Министры восторженно закивали головами.

– А сейчас у нас и более важные вопросы есть, – заявил Петренко, – я говорю о наших отчислениях, например.

– Опять об откатах говорить, опять важные экономические проблемы не рассмотрим, – кисло промычал Матвеев.

– Да, об откатах, ведь это основа, экономическая основа нашей власти. Без откатов мы не сможем удерживать в повиновении губернаторов и наших чиновников. Все в России вертится, пока есть взятки и откаты, – спокойно выговорил Сенкевич. Министру обороны было приятно, что разговор уходил от вопросов обороны.

– Конечно, без откатов и иностранных займов наша вертикаль власти долго не протянет, – поддержал его Жаров, – откаты вопрос очень важный. А о людях потом поговорим. В свое время все решим. Достаточно и того, что постоянно растут реальные доходы населения. Этот рост длится уже много десятилетий. Это наш подарок российскому народу. Поэтому экономические и социальные проблемы обсудим потом. Разбегутся наши людишки, что-ли?

Матвеев вальяжно кивнул:

– С подводной лодки не сбежишь.

– Теперь об отчислениях. Вот последние полгода Промтэк не платит, – посмотрел в золотую папку Президент, – полгода уже не платит. Не пора ли к ним послать доктора?

– Господин Президент, – тихо сказал Сергеев, – товарищ Президент, это последняя в России частная компания. Хотя и со стопроцентным государственным капиталом. Крушение такой компании создаст неблагоприятное впечатление в мире. Могут снизиться инвестиции в российскую экономику.

– Действительно, – согласился Петренко, – Промтэк не лучший объект для рейдерства. Они хорошо платили. Наверно скоро заплатят.

– Тогда ладно, подождем.

– господин Президент, – считывал цифры с экрана ноутбука Матвеев, – отчисления с четвертого и шестого секторов промышленности, за первый квартал, переведены на ваши счета. Так же расплатились все пищевые компании. Машиностроение тоже все средства перевело. Очередные трансферты в июле.

– А как иностранный бизнес? – поинтересовался Президент.

Петренко потер плохо выбритую شوку:

– Я давно курирую это направление. И теперь возникли некоторые проблемы. Иностранные компании отказались выплачивать наши дивиденды за первое полугодие этого года.

– Почему? – зло сверкнул глазами Жаров.

– Они ответили, что сделают особое заявление, – Петренко нервно моргнул, – европейцы ссылаются на наущения совершенные нами по спонсорским договорам. Именно эти нарушения не дают им возможность платить нам. Нюансы я могу сообщить только лично. И несколько позже.

Понятно. Тогда господа министры, – Президент бегло осмотрел собравшихся, – на сегодня мы, пожалуй, закончим. И так долго заседаем. Еще пневмоний и геммороев нам не хватало. Желаю удачного рабочего дня. Трудитесь во имя великой России!

Министры стали с шумом подниматься, отодвигать кресла и тихо переговариваться друг с другом.

– А людей мы вам все-таки не дадим, – заявил Матвеев Сенкевичу.

– Почему же нет, – Сенкевич остановился перед дверью конференц-зала, которая медленно заехала в стену, – если постановление правительства выйдет? Даже по решению правительства не дадите?

– И тогда не дадим, – поддержал Матвеева Сергеев, – хват с вас тянуть из нас людей и ресурсы.

– Еще одна победоносная война на Кавказе, – отметил Сергеев, наглухо застегивая куртку, – и у нас не останется рабочих.

– И вообще, – попытался остыть перед холодным переходом по кремлевскому двору Матвеев, – наш Президент ведет себя как великий политик. Вот и не подумаешь, что он просто из телевизора вылез. А избрали его за фамилию.

– И большие подсознательные надежды на жару со стороны избирателей, – хмыкнул Сергеев, направляясь к двери.

Проводив министров, Президент России Жаров посмотрел на окно покрытое инеем. В некоторых местах антиморозная пленка отошла, и серебро инея прорвалось к стеклу.

«Вот так и мы, прорвались к Волге и встали. А сколько еще потребуется ресурсов и времени, что бы сплотить великую Россию и задушить сепаратистов?», – печально подумал Жаров.

Президент положил руку на холодное стекло и мгновенно отдернул – обожгло холодом.

«Все это не просто так, – умильно думал Жаров, – совсем не просто. Это судьба. Именно мне и никому другому предназначено спасти Россию. Мне спасти Россию велено. Это судьба. Это рок. Да именно так я или стану ее спасителем или не стану. Другого не дано. Такова моя судьба. Такова судьба страны. Это таинственный и великий рок».

Глава 2

Пневмоавтобус неслышно парил в пластиковом канале. Пассажиры привычно, как в старом подземном метро входили и выходили на посадочных площадках, торопливо меняя полярность комбинезонов и курток. Если кто-то забывал изменить автобусный код на уличный спойный охранник у двери сам делал с помощью дистанционного пульта.

Так начинался обычный рабочий день. А среди всей этой рабочей массы катился по воздушному тоннелю и Василий Акушкин. Он сумрачно смотрел на окружавший его люд и ждал остановки. Проспать ее он не боялся. Это в старом, насквозь замершем метро пассажиры не успевали выскочить на своих станциях. Сейчас все стало проще и лучше, специальные датчики на одежде подавали тихий сигнал, когда автобус приходил к своей площадке. А если кто-то и тогда опаздывал выйти, несильный удар тока вышвыривал зеваку на необходимую ему площадку. Так было справедливо.

Вот и Акушкин мило подремывал, проносясь над промерзшей столицей России.

В своем детстве Акушкин хотел быть электронным художником, или как их называли в прошлом, дизайнером. Однако мечта его не сбылась. В последнем четвертом классе Вася прошел короткое тестирование, а потом предстал перед комиссией из директора школы, личного куратора ученика и военкома.

– Акушкин? Ты Акушкин Василий? – строго спросил бледнолицый директор.

– Я, – ответил Вася Акушкин.

– Ты кем хотел бы быть? – строго поинтересовался у Васи директор.

Вася замер в предвкушении чуда, но директор быстро продолжил:

– По твоим результатам мы можем тебя рекомендовать или на завод сварщиком или продавцом – разносчиком. И та и другая профессии очень достойны. Кем хочешь быть? Отвечай гниль!

Василий, от неожиданности, едва не пустил слюну.

– Вася думай, – тихо сказала личный куратор.

А военком, тупо уставившись на Васю, просипел искусственным горлом:

– Из всего выпуска только трое в армию пошли. Дохлаки. Плохое племя. Козлы и те боеспособней. Наплодили дохлаков.

От этих слов военкома Вася Акушкин очнулся. Он посмотрел на розовые культи военкома – результат какой-то великой победы российской армии и плаксиво выдавил:

– На завод хочу. Сварщиком быть хочу.

– Вот и хорошо, – кривыми зубами улыбнулся директор, – ты и так все четыре класса школы окончил. Сколько тебе идиот, государственный паек жрать? Так скоро и задница треснет.

– И не хлореллу выращивать тебя отправляем, а на завод в крепкую трудовую семью, – мило отметила личный куратор, поправив золотистый локон.

Директор сделал пометку в личном формуляре Васи, и зычно скомандовал:

– Следующий заходи! А ты Акушкин, возьми направление на завод, – и директор протянул Васе цветной лист с зеленой косой чертой.

– Вася, встречи выпускников в нашей прекрасной школе через двадцать, сорок и шестьдесят лет после выпуска, – промурлыкала в след Акушкину личный куратор, – ты не забывай нас.

Завод, где достойно трудился Акушкин был огромен. До ежеквартальной чистки на нем было четыреста двадцать семь рабочих. В конце квартала пришлось оправить в исправительные дома полсотни проклятых тунеядцев и подонков. Но, и после чистки, завод впечатлял.

Безусловно, такое количество работяг требовало умелого управления и контроля. И об этом позаботились. Рабочими руководили три главных директора, четырнадцать вице-директоров, восемьдесят девять исполнительных начальников, пятьсот семь инженеров и девять тысяч опытных офисных служивших. Напоследок можно вспомнить и девятьсот шестьдесят сотрудников гласной охраны и картина будет дописана полностью. Не иначе как гигантом промышленность называли в еже часовых новостях Васин завод, но его настоящее название в силу глубокой секретности называть не позволялось. Никогда и никому. Даже проверенные сотрудники тайной милиции зачистки имели в личных делах лишь сноску на место службы – «Почтовый ящик 41/667 – 3».

На заводе Акушкин быстро смирился. Дизайнерство было его несбыточной мечтой. Но быть сварщиком все – таки лучше, чем рабочим гидропоники или служить в российской армии.

Конечно, и другое назначение – продавцом разносчиком было хорошим. Но тогда бы пришлось кататься на бронированном электрокаре по холодным районам и спорить с гражданами из-за каждой пайки. Одному положен искусственный сахар, а другому нет. Один получил премию, а рядом семья полгода голодает. У кого-то спецпакет продовольствия, а другой списан под пятый пункт и сидит без утеплителя. И всем надо помочь: раздать, выдать, договориться, добить больных и слабых. А по приезду еще и доложить начальству.

Да. Работа еще та. Но у торговцев-разносчиков, классная форма. Да и энергооружие есть, бронекомбинезоны. Они ведь на ответственной работе. Они охраняют и развозят продукты...

Лампочка пневмоавтобуса резко мигнула несколько раз, но Вася очнулся только после того, как его легко ударило током.

«Пффу», – проспал, – дернуло Акушкина. Он заспешил к выходу. На него неодобрительно смотрел охранник, как и все охранники не любивший опаздывающих. Охранник уже подготовил электронный бич. Акушкин поспешно приблизился к выходу из пневмоавтобуса, и охранник опустил электронный бич. К тому же на мониторе охранной службы уже высветилось то, что это Василий Акушкин примерный рабочий, передовик, никогда не опаздывающий на работу. Вот поэтому охранник и решил не подстегивать раззяву. Вася в свою очередь решил не испытывать судьбу и перепрыгнул на площадку.

Когда пневмоавтобус пыхтя, откатил, открылись перегрузочные шлюзы. И Акушкин оказался в своем рабочем цехе. Работая здесь по двенадцать часов в день Вася имел честный выходной день на пятьдесят два рабочих дня и пайку ударника- передовика.

– А вот и Акула! – закричал, увидев Васю один из сварщиков.

– Не спеши, – успокоил Акушкина пожилой рабочий Иван Смирнов, – они только начали смену сдавать, есть еще пара минут. Эти коровы еще копаются.

– Вот и ладно, – Вася переставил поляризаторы обогрева комбинезона.

– Грамотный, – донеслось из толпы сварщиков, – сознательный. И так лучший и здесь не дает маху.

– Осади Васек, – Смирнов протянул Васе жевательную сигарету, не целую, конечно, а липкий бычок, – еще напыхтимся.

– Напыхтимся, – Акушкин стал медленно жевать сигарету, – а чего сегодня в плане?

– В плане? – переспросил стоявший рядом сварщик в зеленом комбинезоне с красной каймой – ударник, – двери шлюзов варить, колодцы, может и пару разбитых буеров припрут. Битые буера еще первой смене обещали. Даже секретную расписку с них взяли. Но буера не привезли. И первую смену кинули на месячную премию.

– Ну, это как всегда, – ухмыльнулся Смирнов и продолжил, – слышал Вась, а?

– Чо? – поинтересовался Акушкин дожевывая сигарету.

– Вчера говорят армейцы кочегаров в мини футбол уделали.

– Да иди ж, – раздалось из толпы.

– Точняк говорю, – заявил Смирнов, – я сам не смотрел. У меня большой монитор отобрали за долги. А маленький жена смотрит. А вот сосед, парень ушлый, он видел!

– А кто забил? – поинтересовался Вася, глотая жевательную сигарету.

– А хрен его знает, мне не докладывали, – засмеялся Смирнов, – знаю только, что счет 5 – 2 в пользу армейцев.

– Круто, – сказал сварщик в комбинезоне ударника.

– А то, – снова оскалился Смирнов и снова спросил, – Вася, а Вася..

Но в этот момент раздалась громкая сирена. Начал мигать яркий синий свет.

– Все мужики, – хмыкнул Смирнов, – наша смена.

Так на заводе и началась пересменка. Отработавшие сварщики выходили из цеха и отдавали чип-ключи своим сменщикам. После обмена отработавшие свое время меняли полярность комбинезонов и уходили в перегрузочный шлюз – ехать домой. А их сменщики приступали к работе.

Цех представлял собой просторное помещение с зонами для работы. Эти зоны были четко отмечены на полу особым цветом. Переходить из зоны в зону не разрешалось. Да и желающих на это не было. Ведь если в рабочей зоне температура воздуха держалась семнадцать градусов, то в переходах никто не топил и там стоял морозец градусов в тридцать.

Вася подошел к своему станку, аккуратно вставил чип-ключ, и станок весело пропел:

– Доброе утро, добрый день, Вася.

– Здорово, – буркнул Вася.

– Ты плохо себя чувствуешь? – поинтересовался станок.

– Нет, – Вася несколько раз сжал и разжал застывшие пальцы.

– А чего тогда грустный такой.

Вася пожал плечами, но надо было придумать объяснение. В плохом настроении его могли и не допустить до работы, что означало лишение семидесяти процентов пайки и ближайшего выходного.

– Так, получилось, – просипел Вася, – в автобусе задумался, и выйти забыл вовремя.

– Примите мои извинения, – пропел станок, – ведь мы партнеры с тобой, да Вася?

– Да, – согласился Акушкин и положил руки на индикативную панель.

– Вася вы готовы к работе на девяносто семь процентов. Поздравляю! Отличный результат.

– Спасибо, – отозвался Вася.

Панели станка мелькали.

– Вася вы хотите музыку, во время работы, или кино.

– Кино, – отрешенно сказал Вася Акушкин.

– Хорошо, – согласился станок, – выбирайте тему: «Битва за Дон», «Счастье работы» или «Будни хлорерного поля».

– Давай «Битву за Дон», – коротко отрубил Вася.

– О, – станок тихо свистнул, – патриотично. Это достойно передовика.

– Да, – согласился Акушкин.

В это время мимо него охранники провели двух рабочих, готовность к работе, которых станки не подтвердили. Начальник цеха шел за ними и сокрушался:

– Опять двое работяг. Как и в первую смену, ну кем я их заменю? А как план?

Впрочем, мороз щипал сильно и охранники с рабочими и начальством быстро пробежали.

Раздался протяжный гудок. Ярko вспыхнул свет.

– Рабочее время, – произнес нараспев приятный женский голос, – рабочее время.

После этого, как по команде, включились станки. Рабочие держали на панелях управления только ладони, и станки реагировали на движение их пальцев и микротоков проходившие в руках.

Включился на рабочую мощность и Васин станок. Перед Васей возникло изображение шлюзовой двери, которая была глубоко в подвале. Красные стрелы показали, где и как надо варить.

Вася стал примериваться к работе, одновременно его ноги обхватила гибкая лента и стала их массировать.

– Готов, – сказал сварщик Вася Акушкин.

– Готов, – ответил его станок и добавил, – памяти вашего отца посвящается.

После этого на сетчатку Васиного глаза стал проецироваться фильм «Битва за Дон», а Вася стал управлять сварочным аппаратом сваривая шлюзовую дверь...

Смена заканчивалась как всегда рано. Только рабочие входили во вкус и забывались в сварке и резке дверей, аппаратов и тоннельных колец, как свет начинал менять яркость. Это означало прекращение рабочей смены.

– Ну, как Вася, – станок приветливо мигнул зеленым цветом, – смена заканчивается.

– Заканчивается, – с неохотой согласился Василий Акушкин.

– А что на сегодня и так неплохо, – голосовой синтезатор станка приветливо комментировал прошедший день, – и хорошо и быстро получилось. Брака нет. С ОТК уже сообщили, что результат отличный.

– Да хорошо все прошло.

– Спасибо, тебе Вася, – сказал станок.

– И тебе спасибо, – отметил Василий, чувствуя как температура, рабочей зоны падает.

Смена действительно закончилась, и надо было убраться домой.

– Тебя дома ждут? – мило пропел станок.

– Да, мать ждет, – Вася немного помялся.

– Чего устал? – участливо заголосил станок, – хочешь еще инъекцию кокаина.

– Нет, – Вася тряхнул головой, – на сегодня и так достаточно. Пойду, паек пожую, и так пройдет.

– Ну, тогда как желаешь, – станок отключил рабочую панель и резиновый хват ног сварщика медленно опустился.

– До свидания Вася, – ласково попрощался станок.

– До свидания, – Акушкин взял чип – ключ, выпавший из станка, и пошел в отделение пересменки.

В буферной зоне уже толклись вновь прибывшие сварщики. Они успеть отдохнуть и изголодаться по своей работе. У некоторых тряслись руки, другие осунувшиеся за двенадцать часов ожидания работы нервно переговаривались.

– И вот смену сдают, как мухи прутся, – сказал кто-то из прибывших.

– Конечно, как на работу так бегом, а сейчас смакуют, – раздалось из толпы.

– Давайте быстрее, рысью, – подхватил надрывный молодой голос.

– Да ладно, имеют право, – веско заявил полный рабочий. Его Вася знал хорошо, они вместе поступали в первый класс. Правда, этот толстяк выпал из школьной обоймы уже после двух лет обучения, но сейчас работал вместе с Акушкиным.

«Странно», – подумал Вася, – «как так не проследили. Почему он здесь? А?».

В своих думках сварщик Акушкин протянул чип-ключ сменщику и, изменив полярность комбинезона, направился к посадочной площадке.

– Вась, а Вась, – окликнули его.

Василий недоуменно обернулся. Смирнов – его производственный товарищ стоял в паре шагов и что-то прикидывал в наладоннике. Рука Смирнова энергично скакала по клавиатуре. Это было ненормально после рабочей смены.

– Тебе чего? – неприветливо сказал Акушкин, понимая, что сейчас даже для короткого разговора необходимо менять полярность комбинезона.

– Я просто, так, спросить, – Смирнов громко щелкнул наладонником, – тебе не надоело дома с матерью сидеть?

– В смысле?

– Я просто так, спрашиваю. Интересуюсь, – Смирнов аккуратно вставил наладонник в нагрудный карман и потер правую руку, – может, сегодня погуляем? Отдохнем от тесных жилых блоков?

– Ты чего домой не хочешь? – изумился Василий, он-то знал, что Смирнов был известным семьянином и домоседом. За годы совместной работы Вася видел Смирнова только на пере-сменках. Этот варщик-передовик никогда не участвовал в обще заводских гулянках, походах. И всегда слыл за отличного отца и мужа.

– Как-то так, – Смирнов ухмыльнулся, – дома сейчас особо делать нечего. Вот и думал погулять.

Акушкин в некотором замешательстве перестроил управление комбинезоном. Вася вспомнил, что пару месяцев назад единственного сына Смирнова забрали в нормальную школу. Смирновы сильно скучали и даже несколько раз ездили к нему. Наверно, поэтому Смирнов не спешил домой. Желание прогуляться после работы, скорее всего, было вызвано этой же тоской по сыну.

– Если хочешь, – недовольно протянул Вася, не желая отказывать, – то можем походить. Мать подождет.

– Ты парень надежный, – хмуро усмехнулся Смирнов, – не то, что эти обалдуи. С тобой и погулять приятно.

Вася подавил нежелание шляться после работы и двинулся вслед за своим нечаянным компаньоном.

Они прошли на посадочную площадку. Дождались пневмоавтобуса. Смирнов дважды щелкнул проездной картой по рабочей панели – оплатил за двоих и набрал пункт выхода. Василий в это не вмешивался. Через несколько остановок Смирнов толкнул его:

– Выходим. Выходим. Торопись.

Сварщики быстро и аккуратно вышли на перроне большой станции. Станция была неухо-жена. Людей на ней не было. Перрон занесло снегом, из под снега торчали остатки пластиковых ящиков и каких-то конструкций. Стены были заклеены старыми плакатами. Смирнов посмотрел на стену с ярким плакатом «За Газпром и ВАЗ» и смачно плюнул.

– Куда ты меня привез? – поинтересовался Вася, недоверчиво оглядываясь по сторонам.

– В Лужники, – тихо ответил Смирнов.

– Куда, куда? – чуть не подавился Василий.

Лужники были очень опасным местом, где промышляли безработные, странные жен-щины, сбежавшие из школ ученики и торговцы черного рынка. Все это аккуратно было просло-ено агентами секретной службы зачистки. Простому человеку появляться здесь было непозво-лительно, излишне. За всю свою жизнь Вася не был здесь ни разу.

– Зачем? Зачем мы здесь? – потрясенно выговорил Акушкин, – А вокруг нас, что?

– Карантинные зоны, – уверенно ответил Смирнов, – а что же еще. Вот там, за боль-шим темным кубом начинается Московская стена. Отделяющая нас от этих.. карантинщиков. А здесь еще свободная территория. Здесь даже гулять можно. Хотя это не приветствуется. Но здесь не схватят и не посадят.

Васю передернуло, он испуганно прошептал:

– Слесарю Петрову с четвертого участка, в прошлом году, дали срок за посещение Лужников. Об этом писали в заводской газете. И показывали в девятичасовых новостях.

– А брось, чушь нести, – рассмеялся Смирнов, – Петров гомосексом был. С солдатами здесь сношался. За это и погорел. Да и то погрел лишь тогда, когда у него СПИД и триппер нашли. А до этого спокойно здесь бывал. И фотки в Сети выкладывал. Как он солдатиков, а они его... Ты главное не робей и не волнуйся. Здесь спокойно и даже безопасно.

Акушкин недоуменно стоял. Он порывался бежать.

Смирнов посмотрел на него немигающим взглядом:

– Если испугал как новобранец, то махай отсюда. Дома просрешься. Мать тебя поможет и спать уложит. Вали домой. А я и сам справлюсь.

– Нет, – Вася обиделся, – я не испугался. Но что ты здесь ищешь? В такой дыре? В этих Лужниках?

– В этой дыре, Вася, можно купить самогон.

– Зачем? – не понял Василий.

Смирнов раздраженно сплюнул:

– Я не любитель этих модных таблеток, уколов, антидепрессивных помад, веселящих газов и героиновых пластырей. Я проще самогонку глотну.

– Как знаешь, – оторопело сказал Вася, – как знаешь. А я не буду. Самогон не буду пить.

– Да и хрен с тобой. Не тащу, – Смирнов зорко огляделся по сторонам, – ты кекс хочешь?

– Нет, не хочу. Кекс я и сам могу купить. Не маленький. Не школьник.

– Подумай от чего отказываешься, – Смирнов взял Васю за локоть и потащил к стене черного здания покрытого седыми разводами инея, – настоящего кекса не хочешь? Настоящего.

– Настоящего? – от недоумения Вася дернулся и остановился.

– Конечно настоящего, – Смирнов осмотрел Васю, – что я тебе дерьмо синтетическое предложу, да? Затащил тебя в Лужники и эрзац-кекс из хлореллы подарю? За чмошника меня держишь?

Василий оторопел. Настоящий кекс Вася ел раз в жизни. Было это в далеком уже забываемом детстве. Когда в их комнату пришли военные и сообщили, что герой России майор Георгий Акушкин пал смертью храбрых под мятежным городом Ростовым. Тогда же они принесли матери Васи натуральные салфетки из бумаги и шерстяные носки на одну ногу. А маленькому Васе дали крошечный кусочек коричневого теста, осыпанный чем-то белым. Военные назвали этот кусочек кексом. По уходу военных маленький Вася посмотрел на убивающуюся мать и быстро сжевал этот кекс. Было вкусно. Очень.

– Но это дорого, – тихо выговорил Вася.

– Не дороже денег, – зло огрызнулся Смирнов и остановился, – ты Вася постой здесь. Пока я не вернусь. А вернусь я мигом.

Ошеломленный Василий кивнул и увидел, как Смирнов, сделав знак мужику на противоположном конце улицы ушел за угол. Неожиданно какой-то мужик, в странного цвета форме, перебежал от дальнего дома. Быстро осмотрелся по сторонам и юркнул вслед за Смирновым.

Вася плясал от холода – ждать своего товарища пришлось долго. Казалось, что время остановилось, а ледяные стены окрестных домов стали еще холоднее. Хорошо, что хоть ветер сюда не заносил порошу, а то пришлось бы дрожать от и холода и от ветра и от ледяной зги. Несколько раз Вася думал уйти, убежать. Его пугала эта чудная ситуация. Страшили какие-то люди метавшиеся вокруг него. Повергла в трепет медленно проплывшая, по другой стороне улицы, машина секретной охраны зачистки.

– Не сбежал, – Смирнов неожиданно вырос перед Васей, – молодец. Не замерз?

– Есть немного, – смутясь ответил Акушкин.

– Ты знаешь, что. Давай двинем сейчас в одно место, – Смирнов еще раз осмотрелся по сторонам, – я договорился. Там тепло и на пару часов его отдадут нам. Там спокойно посидим, по – людски. Не на улице же столбом стоять.

– Хорошо, – ответил Вася, – но только на два часа не больше. Меня мать дома ждет. Да и на работу скоро.

– Хорошо, хорошо. Держись рядом, – Смирнов пошел по тротуару. В руке у него был стандартный черный пакет, в таких разносили пайки. Акушкин стеснясь и боясь, шел следом. Смирнов прошел пару кварталов, сверился с номером на стене дома и дал знак Васе:

– Вот здесь. Если я адрес не перепутал. А на барыг можно положиться больше, чем на наших руководителей.

Ярко-голубой электроуаз милиции медленно прополз по дальнему перекрестку.

Вася дернулся, но Смирнов ткнул его в бок:

– Нашел чего бояться. Это же менты.

И брезгливо хмыкнул.

Акушкин улыбнулся. Действительно милицию в России не боялись даже школьники. Так повелось издавна. Над сотрудниками милиции в серой форме, с накладными ватными плечиками и красными повязками на рукавах, смеялись всегда. Иногда их били или обливали технической водой из унитазов. Конечно, Россия нуждалась в сотрудниках милиции, но после «Великого бунта вредителей» ряды милиции были опустошены. И служить в ней никто не хотел. Как-то восполнить потери милиционеров можно было, переведя в нее черно-рабочих или лишних инженеров производств. Но эти меры были, признаны опасным подрывом экономической мощи страны. Мобилизованные пенсионеры не могли справиться с электроуазами и после нескольких сотен аварий с человеческими жертвами пенсионеров распустили по домам.

Единственным выходом стал перевод в милицию безграмотных учеников первых классов и психически неполноценных. Так удалось укомплектовать грозную российскую милицию. Впрочем, российская милиция только патрулировала заброшенные зоны и поля холода. Иностранцев охраняла отлично вымуштрованная секуритате, а за промышленностью следил тайный комитет зачистки.

Смирнов и Вася поднялись по грязной лестнице и оказались в стандартной комнате. Здесь было прохладно, но приятно. В центре комнаты стоял синий пластиковый стол, вокруг него были табуреты – трансформеры. У стены сиротливо торчала неразложенная кровать.

– Здесь в основном встречаются те, – пояснил Смирнов, – кто не зарегистрировался. И кому надо по левому.

– Как не зарегистрировался? – Вася скептически посмотрел на странную комнату.

– Да так, – Смирнов сменил полярность комбинезона, поставил пакет на стол, – мужики и бабы не в браке, мужики с мужиками, бабы с бабами. В общем, всякая мразь. Извращенцы.

– А что такие есть? – изумился Вася.

Смирнов тихо свистнул:

– Вася, а у тебя какое образование, а?

– Четыре класса.

– Понятно. А у меня два, – Смирнов спокойно уселся на табурет, – два класса школы, восемь лет в армии на передовой, год в воспитательном доме и двадцать лет на заводе. Это называется жизненной опыт. А ты не дрейфь, садись.

Вася неуверенно и тяжело сел.

– Место, конечно, еще то. Но не идти, же нам с этим в столовку, – Смирнов умело открыл пакет и поставил на стол пластиковую бутылку, несколько упаковок с синтетическим мясом и завернутый в пластик кекс.

– На, ешь, – он протянул Акушкину кекс.

– Ты что, дорого! – Вася оттолкнул кекс.

– Как знаешь.

Смирнов глубоко вздохнул и положил кекс на пластиковую столешницу.

Помолчали.

– А, я часто здесь кексы сыну покупал, – Смирнов встряхнул бутылку и стал раскрывать упаковки консервов, – и сегодня хотел купить. Рабочих часов все равно столько, что девать некуда. Не копить же их на достойный некролог в заводской газетенке. Ты бери этот кекс. Я его честно за свои рабочие часы купил.

– А что все это за рабочие часы продают, – поинтересовался Вася, но кекс не взял.

– Ага, за рабочие, – сварщик Смирнов закончил открывать пакеты с консервами, – но у них лимит – один их час за тысячу наших условных рабочих.

– Да?

– Да. Но ты бери, ешь, – казавшийся Васе все более странным Смирнов открыл бутылку и хлебнул из горла.

Василий осторожно взял кекс и переложил рядом с собой.

– Ты не думай, – Смирнов хлебнул еще, – я нормальный. Не из этих жопашников и ненормальных, кто и с собаками и с бабами, и с мужиками и со стенами. Нормальный я. Как этот стол. Плоский, прямой и нормальный. Но в последнее время как-то пусто. Жизни нет. Как сына забрали, так дома не сидится. Работаю, а все бестолку. Иногда и пью.

Вася и Смирнов тягостно помолчали.

– А чего их не разгонят, – ни к селу, ни у городу поинтересовался Василий.

– Кого, – Смирнов стал жевать искусственный хлеб.

– Да всех тех, кто здесь фарцует, – Василий употребил это тайное слово, которое он слышал не один раз из тихих домашних разговоров.

– Ха! Разгонят, – Смирнов откинулся на табуретке и приткнулся к стене, – так здесь отовариваются многие важные шишки. Здесь место смычки рабочих и тунеядцев. Важнейшее место.

– Зачем? – непонятливо спросил Вася.

– Как зачем? – Смирнов странно повеселел и подобрел от алкоголя, – они меняют здесь свой продпак на рабочие часы. Чтобы жена, дети не работали. Или чтобы отпуск удлинить. Разное делают. Говорят, что за большущие рабочие часы можно иностранный паспорт купить. И свалить за бугор.

– А что так можно? – поинтересовался Вася.

– Можно, у нас все можно, – весело ответил Смирнов, – для определенных лиц можно все. И любовницу завести. И любовника. И ребенка не в школу, а сразу в лицей пихнуть. И самому в солнечной комнате жить. Все можно.

Смирнов почему-то помрачнел и быстро отпил из бутылки.

– А ты Вася, лопай, лопай, – Смирнов стал совсем мрачный, – не разбивай мое сердце. Я ведь это так от души. От всей души как давно говорили.

Акушкин его слушал.

– Мы завтра к сыну ехать хотели, – Смирнов положил голову на кулак, поставленной на стол левой руки, – у них сегодня родительский день. В школе этой сраной. Но нам не разрешили. Говорят, там сам Президент выступал. Приезжал потрендеть. О светлом будущем. Родительский день, единственную встречу с сыном сорвал.

Смирнов замолчал, а Вася смотрел на него и почему-то проникался уважением к этому такому не типичному человеку.

– Вот думал сюда съездить, кекс ему купить, сыну своему единственному, – Смирнов зло хмыкнул, – но мне и жене отказали. Говорят, что плохо работаем, не подходим под формат.

Это чтобы президента нашего видеть. Единого и неделимого. Очень он нам нужен. Без речей его ложку ко рту поднести не сождем.

Василий Акушкин медленно развернул скрипящий пластик и увидел коричнево-желтый кекс, он был большего того, что когда-то очень давно дали Васе военные.

– Да ты не стесняйся, ешь, Вася, – Смирнов смахнул на пол пустые пакеты и нерасторопно уронил бутылку, – жуй этот кекс. Ешь, как мой Васька бы ел.

Глава 3

Алексей Потапов работал воспитателем. И он любил свою работу. Любил только так как может любить заслуженный человек.

Сам Алексей был из простых людей, его отец тоже был воспитателем, как и дед и прадед. Поэтому для Алексея был один путь в жизни – стать настоящим воспитателем. Кузнецом элементов единой российской семьи. Так он воспитателем и стал.

Воспитательный дом находился на некотором удалении от рабочих кварталов. Это было сделано, чтобы не подорвать правильного боевого духа рабочих и дать возможность перевоспитываться негативным элементам.

– Именно негативным элементам, – сказал когда-то давно генеральный прокурор пост, которого был совмещен с постом Верховного судьи-психиатра, – у нас нет в стране преступников есть негативные элементы. Заблудившиеся по жизни негативные элементы. Их надо перевоспитывать, а не судить. Так.

Что это так знали в стране все, знал и Алексей Потапов. Когда морозы стали круглогодичными и всемирными, Россия была объявлена единой семьей. Все должны были работать или сражаться, а те, кто этого не хотел, тех отправили перевоспитываться. Вот и возникли воспитательные дома. Прекрасный синтез нового и старого, лучшего и будущего, гражданского и общественного.

Сегодня был обычный, рабочий день в образцовом воспитательном доме.

– Доброе утро, товарищ, – просто приветствовал Алексея негативный элемент регулировавший перемещение по общей зоне воспитательного дома.

– Доброе утро, – спокойно ответил Алексей Потапов и прошел на территорию воспитанников.

Воспитанников набирали в дом с разных концов России. Были здесь и плохие солдаты, и плохие чиновники, и плохие рабочие. Все они были честно помещены на воспитание и содержались государством, чтобы скоро снова влиться в большую российскую семью.

Правда, сроков прекращения воспитания не знал никто. Считалось, что воспитанник мог покинуть дом в любое время, но для этого было необходимо сдать небольшой экзамен, а уже по биометрическим показателям машина решала, воспитался негативный элемент или нет.

Проходить тесты можно было в любое время и на любом компьютере воспитательного дома. Многие негативные элементы сначала так и поступали – сутками не отходя от компьютеров, они отвечали и отвечали на вопросы. Впрочем, всегда безуспешно.

– Настоящее воспитание начинается тогда, когда негативный элемент осознает свою вредительскую сущность, – говорили по этому поводу опытные и умелые воспитатели.

Так оно и было.

Алексей Потапов машинально изменил полярность комбинезона и перевел энергопистолет в боевой режим – в зоне воспитанников всегда можно бояться провокаций.

Однако осознав свою сущность многие негативные элементы стремились перевоспитаться и с ними проводились специальные занятия. Их вели те из воспитанников, кто уже перевоспитался и скоро покидал дом.

На одно такое занятие и стремился попасть Алексей. Пройдя несколько секторов воспитательного дома он оказался в специальном «Манеже свободы». Здесь воспитанники отвечали на вопросы уже перевоспитавшихся и покидавших воспитательный дом.

Манеж был уже практически полон воспитанниками. Алексей Потапов спокойно осмотрелся, нельзя было показать злобу или неуверенность.

Воспитанники были в оранжевых комбинезонах, на ноге каждого крепился блок с идентификационным замком и смертельным ядом.

Перевоспитавшиеся уже носили комбинезоны тех отраслей народного хозяйства, куда их отправили. Сегодня перевоспитавшихся сегодня было трое – двое в бело-голубых армейских комбинезонах и один в зеленом – рабочем.

Несколько воспитателей стояло около обогревателей, они были одеты в бело-сине-красные комбинезоны с большим, во всю спину гербом России. Воспитатели сейчас только следили за порядком. И не более. Вмешиваться в процесс им не полагалось.

Манеж тем временем наполнился полностью и Алексей, отойдя к стене, внимательно смотрел на последнее выступление перевоспитавшихся.

Все трое перевоспитавшихся заняли место на небольшом возвышении. Воспитанники в оранжевых комбинезонах окружили их. На лицах воспитанников можно было прочесть уважение к перевоспитавшимся и глубокую любовь к родине.

Перевоспитавшийся в зеленом комбинезоне поднялся и прокричал:

– Воспитанники, сегодня мы оставляем Вас! Нас ждет наша общая российская семья! Великая и могучая российская семья! Членами, которой мы хотели стать долгие годы! Но эти годы не потрачены зря. Мы стали настоящими гражданами великой страны! Напоследок мы зададим вам вопросы, а вы ответите на них. Если вы все правильно поймете, то сможете быстрее перевоспитаться!

– Ура, ура, ура! – весело прокричали воспитанники и, держа в руках портативные компьютеры, сгрудились вокруг помоста.

Один из перевоспитавшихся в армейском комбинезоне спросил:

– В чем опасность негативных элементов в обществе?

– В подрыве большой российской семьи, – дружным хором ответили воспитанники.

– Кто есть негативный элемент? – спросил тот же перевоспитанный.

– Индивидуалист и единоличник, – дружно прокричали воспитанники, – атлант и саботажник.

– С чего началось возрождение России, – спросил перевоспитавшийся в зеленом комбинезоне.

– С укрепления вертикали власти, – внятно ответили воспитанники.

– Кто начал возрождение России, – громко крикнул другой военный.

Воспитанники грянули хором:

– Первый Великий Президент, объявивший свою власть пожизненной, отменивший выборы, вредительскую свободу печати и мышления!

– В чем сила президентской власти, – снова спросил военный.

– В ее абсолютном единоличии, – мгновенно откликнулись воспитанники.

– Кто может помочь простому народу, – спросил у воспитанников первый военный.

– Только Президент России! – немедленно ответили воспитанники.

– Какова задача всех органов российского государства, – этот вопрос задал перевоспитавшийся в зеленом комбинезоне.

– Исполнение приказов президента и выполнение его инициатив направленных на всемерное улучшение жизни трудящегося народа! – энергично проорали воспитанники.

Двое военных и рабочий встали вместе на помост, обнялись и дружно закричали:

– А какова роль простого труженика в великой России?

– Беззаветное служение единой российской семье! – радостно ответили воспитанники.

На этом праздничное мероприятие закончилось. Перевоспитавшиеся стали прощаться с воспитанниками.

Алексей Потапов поманил пальцем одного из перевоспитавшихся в военном комбинезоне. Теперь, когда россиянин официально считался перевоспитавшимся, Алексей мог поговорить с ним открыто, без обязательных свидетелей и прослушки.

К воспитателю подошел невысокий и бледный человек в защитной армейской форме.

– Держи, – и он протянул Алексею браслет с ноги, который мог снять только окончательно перевоспитавшийся.

– Спасибо, – ответил Потапов, – возьму. Это большая честь. И почет для воспитателя.

Военный потер ногу, на которую был браслет.

– Непривычно, – сказал он.

– Привыкнешь, – спокойно отметил Алексей Потапов, – скоро привыкнешь. Одно неприятно, что распределение у тебя не очень.

– Это да, – кивнул военный, – но кому сейчас нужны поэты? Россия ведь воюет.

– Оно конечно верно, – Алексей Потапов покрутил браслет в руке, – верно. Но мы не влияем на распределение. Все решает машина. Это и справедливо и правильно. Мы никогда ни на что не влияем.

– Я знаю, – тихо ответил военный и лицо его, почему-то, стало серым.

Вокруг воспитателя и перевоспитанного толпились воспитанники, воспитатели, слышался гам голосов.

– Ты уже знаешь, что будет дальше? – спросил Алексей Потапов.

– Да, – ответил перевоспитанный, – сегодня принимаю присягу. Мне повесят на руку или на ногу новый браслетик со взрывчаткой. Завтра буду в части. А потом передовая. Наверное, патруль.

Алексей флегматично потер браслетом свой чисто выбритый подбородок.

– Наверное, – согласился он с перевоспитанным, – наверное, патруль. Но ты не прав относительно армейских браслетов. Они ведь только для того чтобы выполнять приказы командования. Выполнять их четко и целеустремленно. И только. Это не из-за недоверия. Это для порядка.

– Я знаю, – быстро ответил военный.

Мгновение, другое они молчали, смотря друг на друга.

– Держи, – Алексей протянул военному небольшой сверток, – пока вас на довольствие поставят, пока привезут в часть. Времени пройдет много, а здесь продуктов на три дня.

– Праздничный пакет, – смутившись, улыбнулся военный.

– Вроде того, – серьезно ответил ему Алексей, – это из пайков воспитателей. Мы его добровольно даем всем перевоспитавшимся. Совершенно добровольно собираем и выдаем воспитанникам в последний путь.

– Тогда спасибо, – ухмыльнулся военный.

– Не за что, это мой долг. Долг гражданина и воспитателя, – ответил Алексей.

Военный посмотрел на оранжевые комбинезоны воспитанников.

– У тебя будет новая жизнь, – Алексей Потапов легко тронул военного за рукав.

– Да, – ответил тот, – да. Я знаю. Знаю.

– Я понимаю, – продолжил Алексей, – понимаю, пять лет в доме это долгий срок.

– Долгий, – согласился с Алексеем военный, – очень долгий.

Сирена прозвучала как всегда громко и неожиданно.

– Воспитанники прощаемся. Перевоспитанные просьба пройти на посадочную площадку.

На последок перевоспитавшиеся помахали руками воспитанникам и в окружении воспитателей исчезли в шлюзовой. А воспитанники разошлись по каторжным работам.

Алексей протиснулся вместе с воспитателями в шлюзовую. Здесь перевоспитанные должны были ждать транспорт. Одновременно это был последний этап воспитания, о котором сами воспитанники не могли знать.

Рабочий в зеленом комбинезоне весело шутил, подбрасывая в руке упаковку с пайком.

Старший воспитатель неодобрительно посмотрел на него:

– Гражданин Иванов?

Рабочий в зеленом обернулся.

– Покидая дом, вы должны грустить, а не радоваться, – прямо заявил ему старший воспитатель.

– И еще, – отметил другой воспитатель, – вы Иванов слишком мало задавали вопросов на прощальной встрече. В этом можно усмотреть гражданскую апатию охватившую вас.

– Поэтому мы решили, – продолжил старший воспитатель, – что вы не достойны, быть рабочим, и отправляем вас на хлорерную фабрику.

На лице Иванова застыло недоумение:

– Но ведь я был начальником цеха... – попытался возразить он.

Старший воспитатель резко его перебил:

– А потом стали вредителем, так? Подрывником производства, отщепенцем общества?

– Да и сейчас вы перевоспитались, но не достойны светлой участи рабочего. Ваш удел сельское хозяйство, – убедительно сказал другой воспитатель и протянул Иванову желтый комбинезон, – переодевайтесь. А назначение мы вам уже изменили. Вас ждут на мокрой и вонючей хлорерной фабрике.

Иванов быстро переоделся. Вскоре в шлюзе зажегся желтый свет. Шлюзовая дверь открылась, за ней виднелась открытая дверь электрокара.

– Прощайте товарищи, – громко сказал старший воспитатель, – покинув дом, вы вольетесь в великую российскую семью и станете господами всей нашей страны.

Алексей Потапов смотрел, как трое перевоспитавшихся зашли в электромобиль. Шлюзовая дверь хлопнула. Вскоре загорелся зеленый свет, и открылась другая дверь – внутрь воспитательного дома.

Воспитатели, неспеша, вошли в нее.

– Чего ты переговаривался с этим военным? – поинтересовался у Алексея старший воспитатель.

– Он твой знакомый? – настойчиво спросил другой воспитатель.

– Да, – кивнул Алексей Потапов, – этот военный – мой бывший брат.

Глава 4

Ирина Вострикова спала всю ночь плохо. Да и какой сон, если женщине далеко за тридцать, а у нее нет мужчины. Нет семьи. Нет детей. И никогда не будет.

Промаявшись всю ночь, Ирина очнулась под утро и подошла к зеркалу. Накапала себе специальных капель гасивших сексуальное желание и вредные мысли. Говорят, что в прошлом такие капли делали для ископаемых кошек, а теперь их настоятельно прописывали одиноким женщинам. Большинству российских женщин.

Закрыв глаза, Ирина закапала себе капли на нос, поморщилась, громко чихнула.

«С другой стороны, так даже лучше, – подумала она, – лучше, чем выйти замуж за придурка».

Когда-то Ирина была завидной невестой. Официально сватались и к ней несколько раз. Последний раз нареченным женихом был военком их школы. Но у того вместо рук и ног культы и паек по четвертому разряду. Хотя настроен военный был весьма решительно. Спасло Ирину лишь то, что разница в их индексах социальной полезности была в целых два пункта. И она имела право просто отказать. Отказать без объяснения причины. Отказать даже такому заслуженному ветерану. А вот если бы разница была пункт, то могли и поуламывать. А уж если индексы были бы равны, то ее бы и спрашивать никто не стал, просто выдали бы новую идентификационную карту и дали единую с мужем комнату.

Ирина поставила лоснящийся пузырек капель на полку и посмотрелась в зеркало. Впрочем, для ее возраста она выглядит неплохо. Да и специальность у нее неплохая. Была Ирина Вострикова личным куратором ученика в школе. Такие места в новой России занимали только опытные люди. Иным, особенно этим интеллигентным слюнтяем, доверить воспитание нового поколения было невозможно. Подонки порожают только подонков. Именно так говорилось в циркулярах министерства народного образования, которые вслух читались педагогам на переменах.

Наконец —то стало отпускать. Ирина посмотрела на часы – до работы еще целый час. Автоматически передвинула несколько упаковок с продуктами, выставила новые показатели автоматического термометра.

Раздался тихий зуммер, и он оторвал Ирину от этой бессмысленной утренней работы.

– Дочка, если можешь, включи видео, – раздался голос Ирининого отца.

Ирина обрадовалась хотя бы тому, что можно скоротать первые томительные минуты серого дня и перевела коммуникатор на видео режим. Перед ней возник ее отец – суровый генерал Востриков, на плече комбинезона, которого красовались два орла с идентификационным кодом. Как бы подтверждая это, внизу экрана высветилось:

«Генерал-лейтенант Востриков».

– А что папа, – подколола отца нервная Ирина, – у тебя в отличие от всех нет лимита на телеразговоры. Для вас, военных, лимиты уже не действуют.

– Есть, – строго улыбнулся генерал, – есть, как у всех российских граждан. Есть. Но мне их не на кого тратить. Не на кого кроме тебя. Поэтому так часто звоню тебе, дочка.

– Я знаю, – качнула головой Ирина, – знаю.

– А чем еще прикажешь занять себя, пожилому генералу мирным утром, как не позвонить дочери.

– Да папа, – согласилась с отцом Ирина, – здорово, что ты мне так часто звонишь.

– В нашей жизни, слишком мало приятного, – отметил отец Ирины, – слишком. А сейчас пауза на войне. Затишье. Вот и решил позвонить. Кто знает, когда я смогу еще передать тебе

личный привет. Кто знает, когда все закрутится и как все закончится. В бою у меня не бывает времени телефонировать тебе.

– Спасибо папа, – сказала Ирина и тяжело села на кровать-трансформер.

– А как у тебя дела? – поинтересовался суровый отец, командир легендарного линейного буера «Егор Голиков» и доблестный участник доброй дюжины, разрекламированных в СМИ, битв.

– А у нас как раз сезон, – кисло отметила Ирина, – две недели назад взяли новых учеников. Набрали полный комплект. Школа забита. Молодняка много. Он не обучен. Крутимся с утра до вечера. Даже обеды заранее передали в фонд обороны. Но сейчас готовимся к выпуску четырехлеток, а через месяц и двухлеток выпустим. Вот после этого и отдохнем.

– Так это хорошо дочка, – генерал строго улыбнулся, – очень хорошо. Новое поколение нам необходимо. Потери непобедимой российской армии велики. Но все героями гибнут. Наша школа не дает промашек. Да и мы, может, встретимся после вашей ударной страды.

– Может, – Ирина апатично пожала плечами, по ее телу опять пролетел первый холодок от принятых капель, – может и встретимся. Хотя верить с трудом. Мы с тобой не встречались двенадцать лет.

Отец снова улыбнулся:

– А ты, сколько лет не брала выходных, дочка?

Ирина Вострикова быстро вспомнила цифру, которую знала наизусть:

– У меня три месяца выходных. Плюс бонус, плюс за вредность, плюс за благонадежность и плюс за родственные связи, разумеется. В общем, на четыре месяца хватит, папа.

– Вот и я такой же работоголик, – заявил генерал, – так, что как только закончишь выпускать учеников, бери свои выходные, и махнем в столичный солярий. Я подам прощение Президенту о временной отставке. И целую неделю будем с тобой загорать.

– Хорошо, папа, – тихо согласилась Ирина, отец обещал ей поездку в солярий уже лет десять, и ему она уже не верила, – поедem в солярий. Но сейчас мне надо собираться и идти. Работа.

– Иди, дочка, иди, – согласился генерал, – это не работа, это долг. Священный долг педагога.

Востриков мужественно смахнул скупую слезу и пропал с экрана.

Ирина отключила коммуникатор. Поднялась, медленно поправила комбинезон, заученно осмотрела свою комнату и вышла.

Как и все педагоги, Ирина жила в тыльной части школы, где располагались бункеры охраны и ветрогенераторы. Так что идти ей до работы было менее минуты. Сама работа заключалась в курировании учеников, составлении отдельных программ и индивидуальном обучении.

По сложившейся в годы похолодания традиции дети до десяти лет жили с родителями и вели домашнее хозяйство. В десять лет детей отдавали в школу. После двух лет школьного обучения проходило тестирование и самые безнадёжные переводились на хлорерные фабрики или в сельское хозяйство.

За эти пару школьных лет дети успевали хорошо вырасти благодаря гормонам роста и специальным пищевым добавкам.

Еще два года тратились российским государством на воспитание способных детей. После этих двух лет определялось, кому из учеников работать на заводе, фабрике или служить в армии. И только один из тысячи мог попасть в систему лицеистского образования.

В лицее дети учились еще два года, но там не было, ни депрессантов подмешенных в пищу, ни электрошока для совершенствования непригодных. Окончившие лицей могли пре-

тендовать стать мастерами на производстве, офицерами в армии, старшими в системе распределения и конвоирования.

Но лицей не был конечной точкой, далее наиболее способные дети проходили в четырехгодичную систему университета. Там ученики жили в индивидуальных комнатах, питались по три раза в день и усиленно учились. Только окончившие университет могли стать политиками или педагогами.

Такова была идеальная система народно-государственного образования великой России. И как постоянно утверждалось, в России, наконец-то, была создана идеальная система образования в максимальной степени, отвечающая интересам, как простого человека, так и великого государства рабочих и солдат. А иначе в демократическом, правовом и социальном государстве и быть не могло.

Занятая этими умными мыслями Ирина подошла к жилым комнатам учеников. Прямо в коридоре внаклонку стоял крупненький ребенок и блевал на пол. Его рвало сине-зеленой хлореллой. Наверное, это был один из новеньких. Тех, что не мог нормально освоиться и плохо привыкал к здоровой школьной пище. Ирина была опытным педагогом и немедленно вызвала в коридор врача и директора. У нее хорошо засел в памяти эпизод, когда в их школе от неизвестного вируса скончались более сорока детей. Все произошло так стремительно, что их тела еле успели сдать в заготконтору и только чудом педагоги не заработали выговоры.

Вызванные Ириной директор и врач появились очень быстро. Они, скорее всего тоже только поднялись и шли к классам.

– Вот это да, – присвистнул директор, рассматривая блевотину на полу.

– Второй случай за день, – тихо произнесла врач, вытирая резиновую дубинку, – такими темпами мы потратим на обучение больше времени, чем положено.

– Вы думаете это инфекция? – нервно спросила у врача Ирина.

– Да нет, что вы. Просто дети не привыкли к здоровой пище, и не хотят ее усваивать. Во всем виноваты родители, которые не соблюдают наших рекомендаций. Они не хотят держать детей в клетках, и кормить специальным пайком.

– Да, – согласился директор, – сколько было у нас наборов, столько раз мы сталкиваемся с этим. Не умеют родители растить детей.

– Постоянная проблема, – согласилась с ним врач и добавила, – но инфекции нет.

– Впрочем, педагог Вострикова благодарю за бдительность, – объявил директор Ирине благодарность.

– Спасибо, – тихо ответила Ирина Вострикова, – вы сами его будете учить?

– Уж сам поучу, куда деться, – отозвался директор, – все сам. Сейчас поучу.

Сказав все это директор сильно ударил блюющего под колени. Ребенок упал.

Директор школы медленно присел на корточки и стал макать ребенка лицом в блевотину, приговаривая:

– Не надо блевать, не надо блевать, не надо блевать. Жрать, но не блевать. Все жрать.

– А вы идите, – оторвался директор от этой воспитательной процедуры, – у меня здесь еще дел на пятнадцать минут.

– Хорошо, – врач и Ирина Вострикова пошли на рабочие места.

Они уже порядочно удалились, когда директор крикнул им:

– Господин врач, надеюсь, вы не забудете прописать этому отщепенцу хорошую дозу галоперидола и давать ее два месяца. Поддонка надо хорошо проучить.

– Конечно, – откликнулась врач, – это ведь стандартная процедура. Как я могу забыть? Сейчас же выпишу назначение.

– Тогда я спокоен, – прокричал директор, продолжая макать ребенка лицом в блевотину.

– Идемте милочка, – обратилась врач к Ирине, – день только начался, еще успеем отбить кулаки.

В служебные обязанности Ирины входил контроль за успеваемость двух тысяч учеников. Конечно, для XX века это был непосильный труд, но компьютеризация изменила многое. Теперь не было нужды в классах и библиотеках, а все пространство школы сократилось до нескольких спален. В них ученики спали, а во время занятий садились на кровати и пристегивали себя к ним ремнями безопасности. После этого они начинали выполнять стандартные задания, изредка отрываясь от работы. При неправильном выполнении задания ученик получал небольшой разряд тока. Если же ученик совершал много ошибок, то сила тока постепенно возрастала. Так в среде учеников воспитывалась любовь к знаниям.

Кроме обучения в школе был и другие предметы – профессиональное обучение и военное дело. На них ученики стремились овладеть знаниями, без которых современный россиянин не мог представить своей жизни. Система стимулирования была та же. Только военному позволялось заменять электроток несильными ударами палки или протеза. Да и то, это делалось только из-за уважения к заслугам военкома.

Дело Ирины заключалось в некоторой коррекции учебных программ. Так как все программы были стандартные Ирина Вострикова меняла не сущность программы, а только силу тока для особо нерадивых учеников. Но это изменение шло не только по увеличению силы тока. Ведь так можно было просто уничтожить всех двоечников и слабых здоровьем троечников. Весь смысл деятельности Ирины в том и заключался, чтобы оптимально менять силу тока в зависимости от способностей ученика, его прилежания и текущего состояния здоровья.

Впрочем, именно прилежание и оценивала Ирина. Этот субъективный показатель был не под силу компьютерам. А Ирина суммировала в своей просвещенной голове личные данные ученика, биографию его родителей, предыдущие успехи, возможные достижения. Именно на основе этого она и устанавливала индивидуальные шкалы вольтметров и амперметров.

Так было и сегодня утром. Войдя в свой рабочий кабинет, Ирина Вострикова степенно погрузилась в уютное эрзац-кожанное кресло. Часы показывали 7:27. До начала учебы было три минуты. В это время ученики уже занимали места, пристегивались ремнями к электродам и брали в руки портативные компьютеры.

Беглым взглядом Ирина оценила параметры пульса и давления всех двух тысяч учеников и не найдя отклонений от нормы углубилась в индивидуальные программы.

Ирина слыла в среде своих коллег либералом, и как бы подтверждая свое реноме, она перевела вольтметр ученика блевавшего в коридоре на самый минимум. Правда рассуждения о гуманности в счет не шли, просто избитый, воспитанный и накачанный галоперидолом ученик не мог адекватно реагировать на удары тока. Но как только пройдет срок медикаментозного лечения, Ирина переведет его шкалы в необходимый режим.

Часы на стене показали 7:29. Свет в школе мигнул и перешел на постоянный режим работы. Включилось отопление в военном кабинете и профучилище.

Ровно за двадцать секунд до начала занятий директор произнес по селектору:

– Дорогие ученики, начался новый, светлый учебный день. Поздравляю вас с этим. Сегодня вы сделаете еще один шаг по пути в единую и дружную общероссийскую семью. Наша с вами задача – учиться, учиться и еще раз учиться. Приступаем к обучению. Ура!

После этого обращения директора в школе прогудела сирена, а для нескольких десятков глухих с детства учеников начало учебных занятий означал первый сильный удар тока.

Ирина Вострикова переключила учебную систему в обучающий режим и стала наблюдать за успехами и неудачами своих учеников. Начался нормальный учебный день. А таких дней у каждого ученика по триста шестьдесят пять в году. Ведь у государства нет ни времени, ни ресурсов, чтобы бесполезно держать учеников на своем горбу. Учеба это та же работа, только более ответственная, а кто не работает тот, как известно... не живет.

И это было справедливо.

Глава 5

Скрежет наполнял все маленькое помещение. Но только здесь и можно было укрыться от жары и пыли. Вернее спрятаться от всего того, чего не хватало наверху в ледяной и безмолвной пустыни под громким названием Россия.

Яркий свет искусственного освещения уже заполнял все уголки помещения, когда механик Седов пытаясь, ввалился в тесную комнатку.

– Уф, – Седов сбросил со лба несколько едких капель пота, – дела.

– Опаздываете, – напарник Седова, бывший капитан планеристов, Артемов уже закончил подготовку проходного щита к работе.

– А куда деваться, – мотнул головой Седов, – проспал.

– Опять? – оскалился Артемов.

– Да, так вышло, – виновато проговорил Седов.

– Да что вы, товарищ Седов, – Артемов повернулся к Седову, – вы мне в отцы годитесь, а все оправдываетесь.

– Привычка, понимаете ли, – Седов быстро придвинулся к пульту проходного щита и стал включаться в работу, – привычка у меня такая выработанная десятилетиями свободной жизни наверху.

– Да не спешите вы, – Артемов усмехнулся, – вы здесь уже три месяца, а все не можете привыкнуть.

Седов пожал плечами:

– Представьте себе, не могу.

– Не можете, – широко улыбнулся Артемов, – никак не можете.

– А что делать, – Седов почесал голову, – здесь я три месяца, а наверху прожил сорок лет.

– Оно и верно, – Артемов положил ногу на ногу, – так и есть, я сюда попал в семнадцать, а осваивался года четыре. Все боялся, что зайдет воспитатель или педагог.

– Вот видите, – Седов достал салфетку и вытер потный лоб и шею, – видите. А я, сколько лет то план гнал, то вал. На работу опоздал, штраф получил, штраф получил в квартире холодно, жена штраф получила, переселяйтесь в мини квартиру пониженной теплоемкости. План не дали, паек урезали, паек урезали, выходные сократили. Не помогло медкарту отобрали, антидепрессанты штрафные выписали. И прочая канитель. Так и научишься крутиться.

– Вот и не можете привыкнуть, что у нас ни планов, ни рабочего дня нет, – поиграл черным носком ботинка Артемов.

– Не могу, – честно сознался Седов, – никак не могу.

– Да ничего привыкните, – Артемов стал разминать плечи, – скоро вполне привыкните к этому аду.

– Аду, – Седов, наконец, успокоился, – да пожалуй, правильно сказано. Привыкну к аду.

Напарники несколько минут помолчали.

Мысли Седов постоянно обращались к тому заседанию воспитателей, когда было решено, что он бывший инженер и начальник конвейера, превратившийся в негативный элемент совершенно безнадежен.

Впрочем, это было ясно практически сразу, ведь за годы постоянной беготни по ледяному цеху, ночевки у станков и производственных совещаний Седов совершенно отвык от всей этой патриотической болтовни. Для него важнее были результаты производства, а не коллективное обсуждение нового фильма об очередных победах российского оружия или успехах хлорерного производства. Поэтому Седов, сначала и посмеивался, рассуждая о таких фильмах. Его логика была проста – они воюют, а мы куем для них оружие. И без наших буеров и пушек

не было бы этих блестящих побед. Так было до тех пор, пока неожиданно не отказали станки и весь производственный цех встал.

Виновного нашли сразу – им оказался начальник производства Седов. Ни слова не говоря его, поместили в воспитательный дом. Как опасного врага без права переписки, апелляции и жалоб.

Седов не смирился. Не сдался. Первое время он сутками не отходил от компьютеров, пытаясь сдать экзамен и вернуться на производство, но монитор компьютера всегда выдавал только одно:

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

Потом Седов стал учиться и ударно работать. Он терпеливо зубрил все ответы о вертикали власти и о месте Президента в российском обществе. Он выучил все победы России и все этапы превращения ее в великое государство, знал наизусть весь состав правительства и мог четко объяснить недостатки прямых выборов, местного самоуправления и парламентаризма. Но все это было напрасно, и компьютер из года в год писал одно и тоже:

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

«Негоден»

Крякнул зуммер.

– Может, тогда начнем, – Артемов легко провел пальцами по клавишам.

– Давайте начнем, – Седов поставил ноги на педали.

Впереди зашумело, началась вибрация – бур проходного щита начал вгрызаться в породу.

Артемов достал большие песочные часы, встряхнул их и показал Седову. Во время работы щита такой шум, что переговариваться трудно. А часы служили для точного определения пауз, когда бур надо было останавливать и охлаждать.

– Начали, – прокричал Артемов, еще раз встряхнул часы и поставил их на панель.

Седов вдавил педали в пол.

Бур загудел, еще секунду спустя проходной щит дернулся и начал сильно трястись. Началось движение вглубь пласта угля.

Первое время Артемов и Седов сосредоточенно прислушивались в реву бура и осматривали приборы. Они знали, что большинство аварий приходится на первые секунды и минуты после пуска щита. Холодный бур мог треснуть, могла отказать электромагнитная защита или отойти воподвод охлаждения.

Но по обыкновению все было нормально. Вскоре щит вышел на крейсерскую скорость, его бур, омываемый водой, медленно двигался в теле пласта. Куски породы выходили по бокам щита и иногда скрипели по бронированным стенкам кабины, где сидели Артемов и Седов. Работающий щит двигался вперед, температура внутри его кабины медленно падала, вскоре вентиляторы и кондиционеры вытянули из него всю жару, и установилась приятная озонированная атмосфера.

Артемов спокойно откинулся в кресле, достал из-под панели управления толстую книгу и стал читать. А Седов, отвыкший даже от вида книг, снова впал в воспоминания.

Пять лет мурыжился Седов в воспитательном доме. Пять долгих лет, лет безуспешных попыток и сорвавшихся порывов. Все пять лет Седов надеялся, надеялся ровно до того дня, когда на Высокой Комиссии его идентификационная карта полетела в мусоросжигатель, а старший воспитатель Алексей Потапов коротко сказал:

– Марш на подземные рудники.

От этого приговора у Седова остановилось сердце. Как прокаженному ему швырнули гражданскую одежду и даже не став проверять сданные вещи поволокли к шлюзу воспитательного дома. Вскоре Седов оказался перед другой шлюзовой – покрытой бурой пылью и глубокими царапинами дверью. Воспитатели набрали какой-то код и как только дверь приоткрылась, они швырнули за нее Седова и мгновенно захлопнули за ним дверь. В шлюзе наступила тьма.

– Не спим, не спим.

Седов поднял глаза и увидел ухмыльнувшегося Артемова, тот перевернул часы и переключил охлаждение бура, щит продолжал дрожать.

– Трудный сегодня день, – Артемов всматривался в датчики температуры бура и охлаждающей воды, – то ли пласт лежалый, то ли к углю какая-то дрянь пристала. Как-то странно работаем.

– Странно? – переспросил его Седов.

– Да, – Артемов поцокал клавишами пульта, – странно. Надо обороты бура снижать и самое главное скорость проходки, пока не придут результаты анализа породы. Минуту назад я послал породу на анализ.

Седов посмотрел на часы, с начала работы прошло уже сорок минут.

– Еще минут двадцать и сверху скинут, что мы копаем, – ответил Седов Артемову.

– Угу, – Артемов недовольно потер ладонью ручку рабочего кресла, – вот считай, что это пауза на двадцать минут. Двадцать минут простоя. А я вчера с дружкой с третьего щита забился, что мы больше их пройдем.

– Так и пройдем, мы всегда больше их проходим, – намекнул Седов.

– Нет, – Артемов сокрушенно покачал головой, – это мы больше четвертого щита всегда проходим, а с третьим мы всегда наравне. Иногда они нас кинут, а иногда мы их качнем.

Напарники помолчали. Неожиданно Артемов громко хлопнул книгой. В тесной кабине щита хлопок почувствовался особенно ясно.

– И чего ждать, – нетерпеливо произнес Артемов, выдавая повадки бывшего офицера-планериста, – чего ждать.

Он щелкнул коммутатором и подмигнул Седову:

– Не боги горшки обжигают!

– Первый вызывали, – прошипел динамик.

– Вызывали, – и Артемов нетерпеливо увеличил громкость динамика.

– Что случилось, – по рабочему взволнованно раздался голос.

– У нас бур греется, – Артемов улыбнулся сам себе, – вот и хотим узнать, что мы там добываем. Уголь или железяк прет?

– Фу Артемов, – голос засмеялся, – чего пугаешь?

– Дай нам срочный анализ породы, – попросил Артемов, – в лаборатории долго будут копать. Цифры ставить. Умные слова писать. А ты нам скажи, что в отвал пошло. Мы и сами пойдем, что делать.

– Ты, что, я с тобой попаду, куда Макар телков не пас.

– Так спор у нас с третьим щитом, кто больше нарубит, – пояснил бывший планерист.

- А спор, – голос прервался на секунду, – так третий стоит уже.
- Что такое? Что случилось? Тоже порода тяжелая? – встрепнулся Артемов.
- Да остынь ты, – голос осекся, – у них водопровод отошел. Сейчас уже чинят.
- Ясно, – успокоился Артемов и стал разминать шею, – но как там анализ нашей породы.
- Да не егози ты. Стахановец хренов.

Седов и Артемов засмеялись.

– И ничего смешного, – обиженно ответил голос, – ребята с отвала говорят, что все в норме, идет только уголь. Породы нет. Так что можете идти вперед. Можете бур охлаждать.

– Спасибо Нина, – заорал Артемов и выключил коммутатор.

– Старче, – обернулся бывший планерист к Седову, – ты держись. Поехали.

После этого Артемов перевернул песочные часы, а Седов снова нажал педали газа. Щит мелко затрясся и двинулся вперед.

Настроив охлаждение бура Артемов, снова уткнулся в книгу.

Седов несколько минут смотрел на него. Думая, что только здесь у последней черты люди и могут быть такими веселыми и энергичными. Только здесь они и радуются жизни, наверное, понимая, что навечно оторваны от великой и неделимой России.

Это Седов понял уже в первый день.

Из переходного шлюза его выкинуло тихим хлопком воздушной пробки. Он, в сомнении осмотрел просторное помещение. Теплое помещение с приятным воздухом. В нем не было ни пыли, ни гари. Это разрушало представление о рудниках.

Из помещения отходили несколько коридоров. Но идти по ним Седов опасался, тем более что никто не вручил ему никаких документов.

Неожиданно из бокового коридора показался парень в светло-зеленой рубашке и желтых брюках.

– Во, – сказал он и улыбнулся, – новенький что-ли.

Седов кивнул головой.

– Ну, тогда иди быстрее к руководству, а то смена кончилась, сейчас все лопать пойдут, и не дай Бог тебя увидят.

Седов тихо пробормотал:

– И что?

– Да ничего, – ответил парень, – совсем ничего. Окружат толпой, вопросы задавать будут, пока язык на ответах не собьешь, а потом накормят на убой. Так вот встретят, что рад не будешь.

Седов посмотрел на парня. Взгляд новичка рудников был слишком странным и парень снова рассеялся.

– Слушай, правда, пошли, – он взял Седова за руку и потащил по коридору, – идем быстрее, а то ведь догонят.

Пройдя пару сотен метров по просторному и светлому коридору, сопровождающий втоптал Седова в комнату и быстро захлопнул за собой дверь.

– Это Танька, – парень ткнул в лежавшую на диване девуку, – она у нас, как бы это сказать, администратор что-ли.

Девка поднялась и, посмотрев на Седова, смутилась

– А ты дурак Пашка, что-ли? – недовольно сказала она.

– А чего, такого? – недоуменно ответил Пашка.

– Это ведь новенький, а ты его прямо так взял и притащил.

Сказав это, девушка села за стол, выдвинула клавиатуру.

– Так я из лучших побуждений, – пожал плечами Пашка, – но если хочешь я его обратно отведу. Там как раз смена кончилась.

– Ты Пашка совсем дурак, – Танька стала набирать что-то на клавиатуре, – привел человека так и успокой его.

– А ну да, – Пашка быстро обернулся к белому-белому Седову, – чаю желаете.

От неожиданности Седов и Танька рассмеялись.

– А ты и правда дурак Паша, – Танька посмотрела на Седова и жестом пригласила сесть.

– Понимаете, – сказала она, – у нас нет как такового начальства. В отдельных направлениях стоят компьютеры, и мы сами заполняем базы данных.

– Да, – уныло сказал Седов, – но у меня совсем нет документов.

Такого громкого смеха Седов не слышал давно – Танька с Пашкой просто заливались им.

– Ну, Пашка услужил, – крутила головой Танька.

– Вот, – разикался от смеха Пашка, – вот говорю – свежак!

– Да и прям свежак! – Танька вытерла слезы, – настоящий свежак!

Седов непонимающе смотрел на них.

– Понимаете, – Танька вытерла слезы и сделала серьезное лицо, – здесь нет ни у кого документов. Нет, и не было.

– А как же вы умудряетесь жить, – пожал плечами Седов.

– Так и умудряемся, – из-за спины Седова, – ответил Пашка, – умудряемся жить без документов. А, как и сами не знаем.

– Вы тоже привыкайте, – Танька посмотрела на Седова, – без прописки и документов жить. А как вас зовут?

– Имя можно назвать любое, как и все данные, – гоготнул из-за плеча Седова Паша.

– Тогда Седов, – ответил новичок.

– Так и запишем, – Танька быстро что-то набрала на компьютере, – сколько лет.

– Сорок шесть, кажется, – Седов на секунду замешкался, – да сорок шесть.

Танька напечатала шифру и посмотрела на Седова:

– Специальности?

– Инженер.

– Вы заканчивали Лицей? – с уважением спросил Пашка.

– Нет, – Седов вздохнул, – нет, не Лицей. Я заканчивал Университет.

– А, – Танька тряхнула головой, – понятно. К нам откуда.

– Из воспитательного дома конечно, – ответил за Седова Пашка.

– Пашка, я не тебя спрашиваю, – Танька снова разозлилась, – сколько там были?

– Лет пять, наверное. А может и больше, – Седов глубоко вздохнул.

Пашка свистнул, а девушка внимательно рассмотрела следующий пункт и спросила:

– Работать хотите?

– Да, – ответил Седов.

– Вы меня не поняли, – Танька подняла глаза на Седова, – у нас можно и не работать. Работа действительно по желанию. А не добровольно, как наверху.

– Только со скуки сдохнешь, – прошептал из-за спины Седова Паша.

– Это как придется, – Танька, поправила цветной стаканчик, стоявший на столе, – но можно работать не на производстве, а например, в музее, на кухне, на центральном посту. Можно творить, картины писать, сочинять музыку.

Седов покачал головой:

– Нет, я привык к производству.

– Хорошо, – Танька не стала спорить, – хотите, запишу вас на проходной щит.

– У нас это самая опасная и самая почетная работа, – снова влез в разговор Пашка.

– Да, – Таньку достали постоянные Пашкины включения, и она зло посмотрела на него, – щит работает в пластах породы, добывая уголь и руду. Сложнее и опаснее работы у нас нет.

На нее идет большинство новичков. Так легче войти в ритм нашей жизни. Так что если хотите...

– Хочу, – резко сказал Седов, – хочу. Хочу на этот проходной щит.

– Ладно, – Танька снова склонилась над клавиатурой, – жить хотите отдельно или в общей комнате.

– Отдельно, – ответил Седов.

– Заказы на кухню индивидуальные? – так же буднично поинтересовалась Танька.

– Конечно, – Седов ответил резко, но невольно сжался. Он и сейчас боялся, что его разыграют.

– Одежду можете обменивать на складе, – Танька резко захлопнула ноутбук, – там можете сдать свою одежду и выбрать себе любую. Какая понравится.

– Да, одежду любую носить можно, – охотно согласился Пашка.

– Вот некоторые, – Танька покосилась на Пашку плясавшего за спиной Седова, – некоторые, у нас как попугаи одеваются.

– А что, – огрызнулся Пашка, – мы не на похоронах или политпросвещении. И комиссара у нас не встретишь.

Седов промолчал, переваривая поступившую информацию.

– Комнаты можете занимать любые, – девушка посмотрела на потолок, вспоминая что-то, – сразу за постом есть свободные комнаты. По левой стороне, от поста, три или четыре свободных комнаты.

– Хорошо, – быстро ответил Седов, – я согласен.

– Я провожу, – весело закричал Пашка.

– Проводи, – Танька автоматически поправила прическу, – проводи. Сначала в комнату, а потом и в кают-компанию на бенефис.

– Ладно, – Пашке надоело стоять, – пойдемте Седов.

Седов поднялся:

– До свидания, – сказал он девушке.

– До свидания, – Танька бегло посмотрела на Седова, – мы часто будем встречаться.

Седов кивнул головой и пошел вслед за Пашкой.

Сопровождающий провел Седов несколькими просторными коридорами и указал на ряд разноцветных дверей. Рядом с ними висели ключи.

– Вот, здесь все по старинке. Как в былые времена, – Пашка показал на двери, – все ключами закрывается. Все ключами открывается. Красота. Нет центральных пультов, контроля управления и камер секуритате зачистки.

– Только непривычно, – тихо отметил Седов.

– А, привыкнешь, – Пашка хмыкнул, – занимай любую из комнат. Если чего надо позвонишь и договоришься, что бы выдали. А завтра придет уборщик, приберет, что надо починит. А сейчас пойдем в кают —компанию на бенефис.

Седов недоуменно пожал плечами, но, не желая задерживать веселого и энергичного молодого человека быстро занял первую комнату и, бросив туда свое барахло, двинулся за Пашкой.

– Ау!

Седов открыл глаза.

– Соня, засоня, – Артемов снова остановил щит, – вы сегодня как сонная тетеря.

– Да устал, наверное, – Седов устало протер глаза.

– Так чего же напрягаться, – Артемов сверял показания счетчиков на щите с портативным компьютером, – возьмите выходной. Уголь от вас не убежит. Щит тоже бегать не умеет.

– Хорошо, – ответил Седов, – завтра возьму выходной. И, правда, надо отдохнуть.

– Вот и дело, – Артемов отложил компьютер и посмотрел на Седова, – я уже бур охладил. Температуру и скорость подобрал. Пойдем как под парусами. И до конца смены одна проходка. Двинули.

– Двинули, – улыбнулся Седов и вжал педали в пол.

Щит затрясся.

Часть вторая. Каналами дьвола к устью Коцита¹

Глава 1

Президент России бегло просматривал пришедшие документы.

– Все это какая-то мура, – произнес вслух Жаров, – просто мура и все.

Действительно среди сегодняшних документов не было ни одного важного. А главное не было того документа который Георгий Константинович ждал. Ждал более всего. Ждал уже давно и как, иногда, казалось ему напрасно. Не было отчета о перечислениях европейских спонсоров России.

Президент не выдержал и громко рявкнул:

– Секретаря.

Коммутатор высветил унылую рожу секретаря, игравшегося ручкой.

– Уважаемый, – просипел Жаров, – а как у нас с информацией специальных органов. Почему меня не информируют о шестом пункте. Где отчет о европейских доходах?

– Господин Президент, – секретарь замялся, – есть специальный диск. Его передали лично вам.

– Так чего ты молчал? – вскипел Жаров.

– Но, – виновато произнес секретарь, – мне приказали отдать его вам или по требованию или не ранее двенадцати ноль ноль. А сейчас только восемь.

– Ясно, законник ты мой, – Георгий Константинович ухмыльнулся, – если по требованию, то неси.

– Есть, – ответил секретарь и исчез с экрана коммутатора.

Через полминуты он появился перед Президентом и положил диск в пластиковом футляре на стол Президента.

– Этот? – кивнул в сторону диска Жаров.

– Так точно, господин Президент, – отозвался секретарь, – этот.

– Тогда иди, – Президент взял диск, – свободен.

– Иди, – прикрикнул Жаров на замешкавшегося секретаря, – а дальше будешь тормозить, я тебя пададь на подземные рудники сошлю. Туда куда гонят всех неработающих козлов.

Секретарь мгновенно исчез.

Георгий Константинович трясущимися пальцами вытянул диск из футляра и вставил в компьютер. Слишком долго он ждал этого, но когда дождался, то все шло наперекосяк. Сейчас Жаров не мог даже попасть пальцем на клавишу «Ввод». Закусив от нетерпения губу, Президент ткнул авторучкой в клавиатуру ноутбука. Диск, наконец, закрутился. Несколько секунд спустя на экране замелькали какие-то серо-черные пятна, а из динамиков раздался скрип и шипение.

Жаров несколько минут смотрел на экран. Затем в полнейшем недоумении он выключил компьютер и вызвал секретаря.

– Слушаю, господин Президент, – лицо секретаря на экране коммуникатора было сосредоточенно и серьезно.

– Э, собственно, – проямлил Георгий Константинович, – а никаких объяснений к этому самому диску нет.

¹ Коцит – ледено-мертвая река омывавшая, наряду с Летой, Стиксом и Флегетоном, царство Аида

– Минуточку господин Президент, – секретарь посмотрел на свой компьютер, – есть. Конечно же, есть.

– Да, – поинтересовался Жаров, – а какие.

– Здесь сказано, – начал читать секретарь, – что вся информация кроме той, что представлена на диске, является закрытой для широкого круга пользователей.

– У, – недовольно протянул Георгий Константинович, – вот оно как получается. Значит и меня оставят в неведении? Так получается? Да?

– Да, нет, что вы господин Президент, – секретарь переключил несколько кнопок, – вся интересующая вас информация доступна сегодня в шестнадцать ноль ноль.

– Это так же так? – непонимающе переспросил Президент.

– На это время назначено заседание в секретном комитете зачистки как раз по проблеме тайной информации на диске. Так сказано в сопроводилровке к диску.

– Ясно, – недовольно оттопырил нижнюю губу Жаров, – кто там будет?

– Указанно только то, что приглашают вас и министра обороны Сенкевича.

– Значит, узким кругом соберемся? Так? – обрадовался своей находчивости Президент.

– Так точно, – ответил секретарь, – все обсудите узким кругом. Как вы любите.

– Ладно, – Георгий Константинович нервно поерзал в кресле, – а что мне делать до этого самого обсуждения?

Лицо секретаря не выражало никаких эмоций.

– Распорядок дня на сегодня таков: в десять ноль ноль встреча с недавно принятыми в школу учениками. В двенадцать ноль ноль обед. С тринадцати ноль ноль до пятнадцать тридцати обсуждение внешнеполитических проблем с министром Петренко. Сразу после этого встреча в секретном комитете зачистки. Правда, ее рамок не известно, но после этой встречи распорядок дня исчерпывается и вы свободны.

– Ясно, – нахмурился Жаров, – а как же ужин.

– Об ужине ничего не сказано, – спокойно пояснил секретарь Президента, – видимо ужинать будете или в секретном комитете зачистки или уже дома.

– Вот оно как, – Президент несколько смутился, – ну что ж и то дело.

– Конечно, господин Президент, – секретарь изучающее посмотрел на мрачного, как обычно, Жарова, – машину подавать. В школу – то поедете? С учениками побеседовать? С педагогами?

– Поеду, – приглушенно ответил Президент, – поеду. Если все запланировано, то, конечно же, поеду.

– Тогда через семь минут машина будет ждать у второго подъезда. Удачи господин Президент.

Сказав это, секретарь отключился от связи.

Жаров недовольно потер свежевыбритую щеку. Этот распорядок дня, составленный компьютером ему порядком надоел. Правда в этом распорядке были важные преимущества – охватывались самые важнейшие мероприятия, да и сбоев в государственном механизме не наблюдалось. Именно за это Георгий Константинович Жаров двенадцатый пожизненный Президент России так высоко ценил автоматизацию управления. Ценил, часто поступаясь своими интересами. И наступая себе на горло радовался, что даже сам Президент страны подчинен общему ходу вещей. И он, так же как, и простой труженик, может понести заслуженное наказание.

Свет в кабинете несколько раз мигнул. В тоже время у системы было достаточно такта не напоминать первому лицу в государстве, что его ждет автомобиль. Жаров и так прекрасно знал это. Он поднялся, снял куртку с вешалки в углу кабинета и на ходу, натягивая ее, пошел к выходу.

– Доброго пути, господин Президент, – еще раз пожелал удачи секретарь Георгия Константиновича.

На это Президент России только нервно махнул рукой.

Спустившись по сумрачной лестнице с узкими ступенями Жаров подошел к выходу. Здесь заранее осведомленные ждали личные охранники. Так как предстоял визит в общественное место, охрана была увеличена до четырех человек. Времена одинаковых серых костюмов отошли в прошлое, сейчас Георгий Константинович сопровождали один охранник в строгом черном пальто, один в зеленой форме рабочего, еще один в зеленой форме министерства внутренних дел и хрупкая девушка в военной форме.

– Идем, – четко приказал охранник в черном пальто.

Дверь распахнулось и все двинулись гуськом к ожидавшим машинам.

Жаров прижал шарф к губам, но его все равно передернуло от холодного воздуха. К счастью дверь машины неслышно открылась, и Президент скользнул в нее. На переднее сиденье сел охранник в черном пальто. Он обернулся к Президенту:

– Георгий Константинович, – все на месте можно трогаться.

– Можно, – Жаров откинулся на сиденье и почувствовал легкий толчок – Машина на воздушной подушке медленно тронулась. Сзади шла другая машина – с остальными охранниками, спецсвязью и камерой реанимации.

Охранник вызвал коммутатор. Перед ним на экране возникло лицо охранника в зеленом комбинезоне.

– План прост, сейчас мы едем в школу, я прикрываю Президента лично, а вы смешиваетесь с толпой родителей. В случае чего пресечете провокации или захватите родителей в заложники. В общем, действуйте по ситуации. После выступления мы едем в Кремль, а потом в секретный комитет зачистки.

– Так точно товарищ полковник, – ответил охранник в военном комбинезоне.

– Конец связи, – охранник президента отключил монитор.

Жаров ухмыльнулся:

– Это, с каких пор ты стал полковником? Еще недавно в лейтенантах бегал.

Охранник не изменился в лице, он уже привык к переменчивому характеру Президента России:

– Это только благодаря преданной службе вам.

– А, – зло оскалился Жаров, – так ты скоро и маршалом станешь.

– Не стану, – спокойно парировал охранник Президента.

– Это еще почему? – поразился Президент Росси.

– Да все потому, что в нашей службе нет такого высокого звания.

– Аааа, – протянул Жаров, – ну если только так. Тогда не станешь маршалом.

– Точно так, – уверенно кивнул охранник.

Машины легко и быстро скользили по замершим безлюдным улицам.

Поездка закончилась быстро.

Охранник Президента осмотрелся через перископ по сторонам. Вторая машина еще на подходе обогнала машину Президента, и охранники из нее уже исчезли в здании школы.

– Пойдемте, – охранник нажал рычаг открывания двери.

– Да, – сказал Жаров, но сразу задохнулся от ледяного воздуха, попавшего в его легкие.

Охранник резво подталкивал потерявшего дыхание Президента России к школе.

Школа была стандартной. Как все российские школы: серая бетонная коробка с пулеметами на крыше и трубой крематория отходов. Ничего примечательно. Обычная особая школа, где процент имбицилов и дебилов не превышал установленные сорок процентов.

Обременительной обязанностью Жарова были регулярные поездки по таким школам. А еще приходилось бывать на заводах, фермах, в воинских частях. Однажды его заставили посетить Поле Ветряков. Ветряки сильно гудели. И Президента России потом весь день болела голова.

Шлюзовая дверь школы была заранее открыта. Президент тяжело вполз в шлюз, и охранник резко захлопнул дверь. Президент России сбросил скрипящие от мороза перчатки и судорожно схватился за горло.

– Вот господин Президент, – укоризненно сказал охранник, – вы как ребенок ни на минуту нельзя оставить. Чуть что и уже морозного воздуха наглотались.

Президент тяжело откашливался и трясся всем телом.

– Так не будет меня рядом, ты и сдохнешь, убогий дурак, – прошипел охранник Президенту на ухо.

Президент, в ответ лишь потряс головой.

Охранник достал аэрозольный баллончик, поднял подборок Президент и прыснул аэрозолью в лицо главе государства. Президент прокашлялся и перестал задыхаться.

– Ну вот, – одобрительно сказал охранник Президента, – и температура уже выровнилась. Можно идти господин Президент.

Охранник легко открыл дверь в школу. Президент послушно двинулся за ним.

Сегодня в школе был родительский день. Родители впервые могли посетить своих детей. Впрочем, такая привилегия касалась не всех, а только десять процентов самых сознательных и трудолюбивых.

Президент быстро прошел по большому залу к специальной трибуне. Охранник неотлучно следовал за ним. Этот зал в школе появлялся только по особо значительным случаям. Тогда убирались перегородки и двери, школьное имущество складировалось в подвале. Так и появлялся огромный и просторный зал.

Но делалось это только для торжеств – российское государство не могло позволить себе роскоши отапливать огромные помещения или дать простаивать школе длительное время. Таких исключительных случаев было мало, но тот факт, что они, все таки, были прямо говорил о социальной направленности российского государства.

Президент России быстро осмотрел зал. Перед ним четкими рядами выстроились ученики. Вдоль боковых стен стояли родители. Администрация школы стояла на возвышении сбоку. Рядом с администрацией находился охранник – он должен был уничтожить всех педагогов, если бы произошли провокации или волнения.

Георгий Константинович осмотрел учеников – первые ряды низких первоклашек медленно перетекали в здоровенных оболтусов выпускных классов – гормоны роста делали свое дело.

Присутствие Президента вызвало оживление в зале – и ученики и родители весело заколебались, вызывая неудовольствие охранников. Президент услышал, как сзади его раздался четкий щелчок – это его охранник перевел пистолеты на боевой взвод.

Хорошо рассчитанная программа. После гимна России выступал Президент.

Георгий Константинович припомнил стандартный план своего выступления, которое он несколько раз видел по государственному телевидению.

– Господа ученики, – начал свою речь Президент Жаров, – господа родители! Уважаемые товарищи педагоги. Сегодня значимый день, сегодня наша страна смогла, накопив силы и ресурсы подарить вам чудесный день общения и радости личной встречи. Это не дежурная встреча по видеофону, а настоящее теплое личное общение разных поколений.

Одобрительный шум зала был ответом Жарову.

– Вот, – продолжил Президент, – такие в целом дела. Надо ли говорить, что социальная политика это второе важное направление нашего государства, после всемерного укрепления вертикали власти, и демократизации государственного аппарата. Но именно образование и здравоохранение занимают в нашем государственном бюджете львиную долю расходов бюджета.

Родители заплодировали.

– И никто не знает, – пафосно взмахнул рукой Георгий Константинович, – добились бы мы таких чудесных результатов, если бы не объединили в свое время министерства образования, здравоохранения, социального обеспечения и внутренней охраны. Но более важным шагом по пути развития образования стало слияние функций врача, социального работника и педагога в одном единственном человеке. Именно это и позволило нам создать таких замечательных наставников как ваши учителя. Именно такие учителя и являются стержнем хребта нашей страны, ее уникальной системы воспитания. Самой передовой системы обучения и воспитания в мире.

Услышав это, дети и родители бурно зааплодировали.

– Так, вот, – продолжил Жаров, – наша страна создала все условия для нормального обучения своих детей. И вы чувствуете это на себе!

Дети и родители снова бурно зааплодировали.

– Учитесь, учитесь, учитесь, – Георгий Константинович вошел во вкус, но его сзади одернул охранник:

– Время, господин Президент.

Президент уже и сам понял, что пора заканчивать:

– Я и наша великая страна напутствуют вас на великий образовательный и трудовой подвиг! И никто после обучения в школе не скажет, что вы простые подонки, а не граждане огромной страны. Ура товарищи!

Зал снова затрясся от аплодисментов. Жаров же уступил свое место специально проверенному ученику первого класса, который по сценарию должен был произнести речь.

Уходить сразу было не прилично, но время поджимало и Президент с охранником стали медленно пробираться к выходу. Жаров слышал обрывки фраз из выступления ребенка.

– Когда в 2079 году началось похолодание...

Охранник протиснулся к двери, Президент шел за ним, голос ребенка доносился глухо, но четко:

– Тогда первый великий Президент России полностью упразднил выборы, так как выборы были сущее вредительство, а российский народ был слеп и глуп...

Охранник отворил дверь и пропустил вперед Георгия Константиновича.

– После этого Россия стала подлинной национальной семьей, где нет граждан, а есть члены огромной семьи, – продолжал надрываться выступающий, – семьи, где искореняются вредители и лживые тунеядцы...

Жаров покинул зал, и охранник громко захлопнул за ним дверь.

Президент повернулся к своему охраннику и улыбнулся:

– А что выступления все стандартные, да?

Охранник покосился на дверь, которую недавно закрыл и выдал:

– Они утверждены очень давно, и они не более стандартные, чем ваши выступления господин Президент.

– Конечно, – пожал плечами Жаров, – их ведь утверждали в одном и том же месте и в одно и то же время.

– Это правильно, – тихо ответил охранник.

Шлюзовая дверь закрылась за ними.

– Вы только снова не глотните холодку, аэрозоль может и закончиться – корректно, но едко сказал охранник.

– Уж постараюсь, – Президент аккуратно поднял свой теплый шарф до самых глаз.

– Тогда пошли, – и охранник резко распахнул тяжелую дверь шлюза.

В кабинете Президента уже ждал министр иностранных дел Петренко.

– Ты опять того, – спросил Петренко рассматривая бледное лицо Президента, – нагло-тался холодного воздуха, да?

Да, – махнул рукой Жаров, – наглотался. Вечно что-то не так. Как раз перед речью глотнул. До сих пор перед глазами мухи летают. Круги какие-то цветные.

Петренко неодобрительно покачал головой:

– Ведешь себя как ребенок. Совершенно не бережешь себя для страны. Это просто не допустимо. Подумай о своей великой роли в истории России.

В ответ на это Жаров вяло махнул рукой:

– Не агитируй. На сегодня с меня хватит.

Георгий Константинович сделал вид, что живая ирония Петренко ему не понятна.

Президент повесил куртку на вешалку и погрел руки перед горячим обогревателем.

Петренко с усмешкой смотрел на него.

– Что у нас, – Президент занял свое место за столом.

– Скажи мне, – Петренко показал Президенту табличку с президентского стола, – зачем тебе на твоём же столе табличка «Президент России. Георгий Константинович Жаров», а? Свое имя должность боишься забыть?

Президент сплюнул:

– Наверное, секретарь поставил, дай ее сюда.

Министр иностранных дел протянул Жарову табличку.

Георгий Константинович взял ее и бросил в ящик стола.

– Теперь все? – спросил он министра.

– Ага, – Петренко положил ноги на президентский стол.

Жаров снова сделал вид, что этого не заметил. Этот Петренко год назад попал в тяжелую аварию. Возвращаясь с саммита большой четверки в Минске, его бугер неправильно перелетел торос. Теперь у Петренко часть черепа из пластика и небольшая эпилепсия. Так что на закинутые, на стол ноги внимание лучше не обращать. Тем более что Министр иностранных дел все-таки очень дельный мужик.

– Чего ты на прием записался – то, – снова поинтересовался у Петренко Жаров.

– А чаю попить, – усмехнулся Петренко.

– Ладно, – Георгий Константинович приказал, – секретаря.

На экране коммутатора появился секретарь.

– Чаю нам, – коротко бросил Президент России и отключился.

– Что еще твоей душеньке угодно, – Георгий Константинович с усилием отодвинулся от стола.

– Теперь можно и о делах поговорить, – министр иностранных дел посмотрел в окно, – дела у нас не очень.

– Хватит тебе-то ныть, – Жаров заерзал в кресле, – у Сергеева нет металла, у Матвеева людей, у меня ума нет, а Сенкевича столько раз разбили, что волос у него на жопе меньше и чего, мы-то не паникуем. Все правительство России в такой ужасной и глубокой пропасти, что можно идти и вешаться, но мы держимся, держимся и будем держаться. Так нам завешал первый Великий Президент, и мы не отойдем от этого плана. Никогда не отойдем.

– Понятно, – Петренко ослабил узел галстука, – все у вас просто. Опять агитация и пропаганда.

– Что просто? – снова взялся Георгий Константинович, – чего просто? О чем ты мне талдычишь, как мозгоклюй.

– Ваши проблемы системные, – спокойно ответил Петренко, – ну еще раз Сенкевича расколотят, ну поголодаем пару месяцев, ну тебя обсмеют как Буша-младшего и что?

– Что? – не понял Президент России.

– И ничего, – веско заметил Министр иностранных дел, – ничего, ничего. Все это мы уже проходили и всегда с этим справлялись.

– Верно, справлялись, – убежденно поддержал министра Жаров.

– Сколько их было, – Петренко покачал головой с пластиковой вставкой, – и бунтов и голодовок и поражений и другого кала? Так ведь и не перечесать. Справились.

– Справились, – широко улыбнулся Георгий Константинович и глаза его зажглись необычным оптимизмом.

«Чего он сожрал? Инсулин – М или гидрокартизол?», – подумал Петренко.

– А за все время одной проблемы мы не решили, – Петренко покривлялся в своем кресле.

Президент плотно сжал губы, потом пожевал ими, словно старушка и тягуче произнес:

– Не мути. Чего ты хочешь?

– Что хочу, – Петренко ухмыльнулся, – я собственно пришел поговорить за спонсорские деньги. Европейские.

– Да? Слушаю, – внимательно посмотрел на министра Президент.

– И внимательно слушай, – Петренко извлек из кармана пилочку для ногтей и принялся ей обрабатывать ногти, – не так давно. Третьего дня вернулся я с заседания Еврокомиссии. Там мне сказали, что мы дармоеды и воры, не держащие своих обещаний. Сам Розештайнер заявил мне, что деньги мы не получим, пока не заглушим этот сигнал. Так то.

– Им что делать нечего? – возмутился Жаров, – что им до этого сигнала?

Петренко пожал плечами:

Сигнал ведь как шел, так и идет. Им там не нравится, что сигнал идет.

– Идет, – согласился Жаров, – идет. Идет этот сигнал уже тридцать или сорок лет. И ничего страшного нет.

– Нет, пока нет, – Петренко почесал пилочкой свой длинный нос, – но сигнал меняет модуляцию и скачет по частотам.

– Чего ты ноешь, – Георгий Константинович замотал головой и негодуяше прошипел, – сначала считали, что это сигнал какого-то корабля, потом города. Может одного из призрачных городов. И только потом поняли, что он идет из Антарктиды. Потом поняли это. А еще позже поняли, что он меняет модуляцию и частоту. Так установили, что это сигнал живых людей. Вот сейчас расшифруем и будем все точно знать. Чего панику устраивать? Тем более трудовые деньги у нас отнимать?

Петренко спокойно выслушал все, что сказал Президент России, выдержал долгую паузу и заметил:

– Это все хорошо, но сигнал явно настраивается на модуль и частоту наших мониторов. Кто бы они не были, возможно, что они хотят пообщаться с нашим населением напрямую.

– Да, чтоб тебя, – разозлился Президент, – да это я все знаю! Знаю и то, что сигнал не удалось ни заглушить ни расшифровать. Пока не удалось. Знаю и то, что если он пробьется на мониторы хорошего будет мало! Знаю! Я это знаю и даже моя жена знает и последняя секретутка в Правительстве знает! Все знают! Все в нашем убогом Правительстве, вершине старой вертикали власти знают о сигнале! Все!

Министр иностранных дел спокойно положил пилочку на стол и деловито поправил запонку:

– Мы это знаем, а сейчас и они это узнали.

– Кто? – опешил Жаров.

– Евросоюз, – спокойно посмотрел в глаза Жарова Петренко.

– Как узнали? – тихо выдавил Георгий Константинович, – он не проходил на Европу, там не их частота и акцентуация иная.

– Не знаю, – Петренко глубоко вздохнул, – но на последнем саммите Еврокомиссии они передали мне диск с записью сигнала. И им в Европе это очень не понравилось. Вот они нам диск и вручили.

– Этот? – показал диск, полученный от секретаря утром Президент министру иностранных дел.

– Да этот, – тихо сказал Петренко, – по приезду я передал его копию в секретный комитет зачистки. Так мне приказали в Европе.

– И что, – Жаров пожал плечами, – в чем сыр-бор? Ну, смотрел я его. На нем ничего нет, так фигня какая-то.

– Да, – кивнул Петренко, – так же сказали и спецы. Но сегодня утром из Европы пришли шифры. Их переложили, и появилась картинка.

– Какая? – с испугом посмотрел на Петренко Жаров.

– Не знаю, – помотал головой Министр иностранных дел, – совсем не знаю. Это не моя компетенция. Тебе сообщат все в секретном комитете зачистки.

– Так, а зачем ты здесь мне все это говоришь, – Георгий Константинович снова сжал губы.

– Мне передали в Европе, – начал Петренко, – что им это не понравилось. И что у нас только один выход совместного решения этой проблемы.

– То есть? – Жаров уставился на своего министра иностранных дел.

– А то и есть, – Петренко легонько почесал голову, – они видимо уже тогда знали суть сигнала и боялись его. Но их предупреждение было простым и ясным. Или мы вместе победим или они все равно утащат нас с собой. Я решил тебя об этом предупредить. Это на случай того если сегодня в комитете зачистки станете принимать решение по этому хренову сигналу. Европа желает, что бы оправили армию и заткнули этот передатчик.

– Армию, – переспросил Жаров, – да ты что, Олежек? Одумайся. У нас нет армии.

– Я это знаю, Жорушка, – тихо ответил Петренко Петренко, – у нас и правительства нет. Вернее наше правительство это правительство откатов, оно создано на откаты и для откатов.

– Ну, ты так жестко сказал, – смутился Президент России.

– Как есть, так и сказал, – министр иностранных дел с прищуром посмотрел на Президента, – и вертикали власти у нас нет. Есть резиновая кишка набитая деньгами. Но европейские деньги нам нужны. И европейские туристы нам нужны. И европейские технологии. Без них мы долго е протянем. Поэтому с передатчиком надо решать. И решать быстро.

– А что? Это так сразу необходимо сделать, – поинтересовался у Петренко Президент.

– Желательно, – министр легонько нахмурил брови, – если решение будем откладывать, то возможны определенные осложнения. Евросоюз не любит шутить и по пустякам дергать. Если им надо, то надо. И они не остановятся перед любым решением проблемы. Они так сказали. Деньги это только начало антироссийской компании.

– Такое впечатление, что ты подгонять меня к этому решению, – Жаров нервно перебирал листы ежедневники, – я не могу принимать серьезные и важные решения быстро. Это не по-государственному. Не по-российски. У меня вся огромная страна на плечах. Мне за весь народ надо отвечать. А не только за пару гавриков как тебе.

Петренко поднялся:

– Нет, господин Президент, – усмехнулся министр, – я вас совсем не подгоняю. И знаю как вы стараетесь, отвечая за всю нашу великую Родину. Но время не ждет. Скоро нас самих подгонят к этому решению. Заставят его принять быстро и быстро выполнить. Евросоюз это не наши обмороженные граждане, которым можно десятилетиями обещать теплой воды. До свидания.

– До свидания, – Президент России в недоумении смотрел, как за Петренко закрылась дверь.

Монитор коммутатора ярко вспыхнул.

Жаров подпер голову рукой, и устало осмотрел его.

– Господин Президент, – заявил секретарь с экрана, – спонсор.

Жаров с шумом выпустил воздух. Спонсоры были неприкасаемы как священные индийские коровы, и откладывать разговор с ними было совершенно невозможно. Впрочем, в данном случае согласие российского главы государства совершенно не требовалось. Экран коммуникатора показал сухопарого корейца в возрасте.

– Зидирасту, – сухопарый кореец улыбнулся с экрана.

– Здорово коли не шутишь, – тихо промолвил в ответ Жаров.

– Я сейчас буду говорить от всех спонсоров России, – кореец поклонился и из-за его спины выглянул серебристый знак спонсорской конфедерации, – мы приветствуем вас, о великий президент.

Георгий Константинович от этого приветствия только сильнее сжал обветренные губы.

– Мы хотим узнать, исправно ли вы получать наши деньги? – поинтересовался кореец.

– Исправно, исправно, – в тихой ярости выдавил Жаров. Разговор не обещал ничего хорошего.

– Мы тоже знаем об этом, – вдруг корец сделал ужасное лицо и завизжал, – тогда, почему вы скоты не способствует нашему процветанию! Вы нас кидать стали, да так, что уши от грязи вянут! Забыли, кто вас кормит! Вы забыли, что без нас – ваших спонсоров вы никто! Ты никто!

Ожидавший неприятного Президент России, тем не менее, не опешил, а взяв себя в руки, торжественно заявил корейцу:

– Чего ты собственно залупился? Урод узкоглазый?

– А, – кореец оскалил кривые зубы, – я верховный координатор всех проектов с Россией! Я вас тащить на своей спине! Я вас спасать и держать! А вы меня слушать и исполнять!

– Я тебе благодарен, – Жаров слегка склонил свою крупную голову, – ты крут, кто спорит. Хоть и чурбан.

– Да! – по корейцу снова пробежала волна дрожи, – но Европа недовольна тобой! Европа не желать покупать наши товар, пока вы не напасть на Антарктиду! Мы лишимся семидесяти процентов рынка! Мы нишать! Наши прибыли падать!

– Это плохо, – искренне посочувствовал координатору Георгий Константинович.

– Плохо! – закричал кореец, – Вот! Вот!

Кореец выхватил из-под стола безжизненно белую руку в прозрачном пакете и замахал ею, – это моя рука! Сегодня мои коллеги отрезали мне ее. За нерадивость и глупость. За ваши проступки!

Президент России присмотрелся и понял, что кореец действительно был с одной рукой. Президента такая дикая азиатчина покорила. В этом не было государственных действий, одни азиатские эмоции. А однорукий кореец продолжил орать:

– Вот, моя награда за благодарность! Вот плата за мою любовь к России! Если вы мне не помочь, то скоро меня совсем уничтожат! Покрошат на куски! Они уже и график составили! График моего разделения на части!

– Главное теперь, что бы они не вздумали его перевыполнить, – сочувственно сказал Президент России.

Кореец зло плюнул на пол.

– Ладно, я извиняюсь. Но как же мы тебе можем помочь? – поинтересовался Жаров.

– Договориться с Европой на их условиях, – кореец то ли остыл, то ли ослаб. Он положил отрезанную руку на стол и медленно опустился на стул.

– Это решать не мне, – убедительно сказал ему Георгий Константинович, – а я ведь правлю в союзе с нашими министрами. Не один как монарх. На нужно время. И чем больше, тем лучшее. Быстро действовать мы в России не привыкли. У нас все степенно. Все по государственному.

– Если ты сука не договоришься с Европой, – снова дико закричал кореец, – то мы не только России больше не дадим помощи, но и у тебя мразь стул из-под жопы вырвем! И в жопу до упора тебе запихнем!

– Но не все так просто, – начал объяснять свою позицию Жаров, но закончить ему не дали.

В помещение, где сидел кореец, ворвался какой-то страшный субъект. После чего между ним и корейцем состоялся молниеносный диалог на повышенных тонах. Ворвавшийся господин постоянно что-то кричал и кивал в сторону камеры, а кореец визгливо отвечал на выпады неизвестного.

Так длилось недолго. А кончилось как-то странно. Ворвавшийся господин выхватил короткий и широкий нож и полоснул корейца- координатора по горлу. Координатор спонсоров России захрипел и свалился под стол. А неизвестный господин повернул к камере свое безобразное лицо и смачно плюнул в нее.

Георгий Константинович инстинктивно дернулся в кресле назад, когда слюна незнакомца залепила экран его коммуникатора. А незнакомец выхватил портативник и шлепнул им по камере, она погасла.

«Камеру коммутатора разбил мерзавец», – верно понял Президент России.

Переведя дух, Георгий Константинович попытался думать. Новая ситуация совершенно не походила на все предыдущее, она резко меняла положение дел. А эта таинственная неизвестность о которой столько говорил Петренко вообще запутывала и без того безнадежное положение.

Никогда со времен Великого крестьянского бунта Жаров не был в таком сложном положении. Но во время бунта вся ответственность пала на предыдущего Президента, место которого и унаследовал Жаров. Теперь же все тяжелое бремя решения приходилось на хрупкие от детского рахита плечи Георгия Константиновича, и он не мог ожидать помощи.

Коммутатор мигнул, и на мониторе появилось лицо строгое и серьезное секретаря.

От неожиданности Жаров вздрогнул. Ему почудилось, что в его кабинет может ворваться какой-нибудь ужасный кореец с навахой или обломком чугунной трубы. Это было в их корейских обычаях.

– Господин Президент, – четко произнес секретарь, – машина ждет. На очереди визит в секретный комитет зачистки. Распорядок дня вы знаете.

– Хорошо, – тихо произнес Жаров, – хорошо. Что меня ждет машина. Но я не поеду.

Лицо секретаря выразило полное непонимание:

– Вам плохо, Георгий Константинович?

– Нет, нет, – Президент побарабанил пальцами по столу, – визит министра иностранных дел открыл новые обстоятельства и я их должен обдумать. Поэтому визит в секретный комитет зачистки отложите на завтра.

– Но там, же ждут... – начал секретарь.

– Ждут и хорошо, – выкрикнул Жаров, – еще подождут. Я приеду к ним завтра с утра. Тогда же приедет и министр обороны.

Секретарь выдержал паузу:

– Так и прикажите доложить в секретный комитет зачистки?

– Да, так и доложите, – отмахнулся от секретаря Президент, – и еще не отпускайте машину я поеду домой работать.

– Есть, – ответил секретарь.

– Поэтому подготовьте мне документы для домашней работы и работы над ошибками.

– Есть, – снова четко ответил секретарь.

– Это все на сегодня? – спросил Жаров.

– Не совсем, – секретарь сверился со своим портативным компьютером, – есть определенные сложности со спонсорами. Конфедерация спонсоров передала, что они не только сменили координатора по России, но и прекращают нам помощь с сегодняшнего числа. Они это мотивировали тем, что у нас какие-то сложности внешнеполитического характера, а устав спонсоров, измененный сегодня не позволяет, им оказывать нам помощь при сложностях такого характера. Спонсоры требуют решения всех наших разногласий с Евросоюзом. Они возобновят помощь только после возобновления выплат со стороны Евросоюза.

Президент криво усмехнулся:

– Они торгаши и всегда ими будут, о чем может идти речь. Не хотят, то пусть не платят. Мы и без спонсоров недельку протянем.

– Протянем, – с готовностью согласился с Президентом секретарь.

– Тогда все, – и Жаров поднялся с кресла, – я выезжаю домой. Буду работать, если какие-нибудь изменения, то сообщайте мне немедленно.

– Так точно, – сказав это, секретарь отключился.

В следующую минуту Президент России в наспех одетой куртке выскочил из своего кабинета, выхватил из рук секретаря папку с документами и быстро пошел к ожидавшей его машине.

Дома Жарова встретила жена. Наследственная дочь одного из великих российских Президентов. Жена всплеснула руками, при его появлении, и сразу же загомонила:

– Георгий Константинович, как же так? Как такое возможно? Как мы будем дальше жить?

Президент, молча, бросил ей свою куртку. Увеличил мощность висевшего на стене термостата.

– Не твое дело, – огрызнулся он, – как жили, так и будем жить.

– Но, Георгий Константинович, – снова всплеснула руками жена Президента, – спонсоры отказали нам в средствах.

Жаров нехорошо усмехнулся – будь его воля, он давно бы вышвырнул на улицу эту жирную и страшную бабу. Но Жаров хорошо помнил, что именно благодаря браку с этой клушей он унаследовал выборную должность российского Президента.

– Тебе уже сообщили? – спросил Президент.

– Да, да! Георгий Константинович, – согласно закивала жена, – мне звонили еще два часа назад. И с тех пор я не нахожу себе места. Это так неожиданно! И так тяжело!

– Помолчи, – выдавил Президент, – я устал. И приехал ужинать. И работать.

Жаров прошел в гостиную. Грузно уселся за стол и притянул к себе большое блюдо с тушеной индейкой.

– Собственно, что тебя не устраивает? – берясь за нож, спросил Жаров.

Жена тихо села в далеком углу комнаты:

– Георгий, счета папы арестованы.

– Когда? – Жаров задержал руку с индюшачьим крылышком около рта.

– Еще вчера, – президентская жена расплылась по своему ортопедическому креслу, – они арестовали их во всех банках и задержали папиного представителя. Я узнавала, счета арестованы и в Европе и в Азии. Все деньги под арестом. Теперь мы нищие, да?

– Нет, – ответил Президент, – это временные трудности. И они не первый раз закрывают наши счета. Такое уже было и все удачно разрешалось.

– Но папа волнуется, а ему совсем нельзя волноваться. У него очень большое сердце.

– Да твой папа – тесть, – высоким голосом закричал Президент России, – после третьего мозгового шунтирования не отличает вкус ананасов от говна! Он сортирную бумагу поедает за милую душу. Политика не его дело! Куда старому хрычу столько денег! Он их жрет, что-ли! Как туалетную бумагу?! Ням – ням, ням-ням?

– Ты не должен так говорить о папе. Он не совсем здоров..., – глаза жены наполнились слезами.

– Не совсем здоров! Да он живой труп! Он ходит, но только под себя! Его место в Кремлевской стене! На виайпи местах! Заждались его там!

– Георгий ты не должен так, – голова жены затряслась, – папа любит тебя. Он хоть и припадочный, но добрый. Даже когда ты его кормишь с ложечки, он меньше выплевывает, а больше ест. Он так привязан к тебе, Жора. Он не перенесет такого удара. Мы можем его потерять.

– Хорошо, – Жаров бросил индюшатину и автоматически провел жирной рукой по волосам, – хорошо. Я это знаю. Если бы он меня не любил, то е оставил бы на меня великую страну.

– Папа, – всхлипывая, продолжила жена, – папа интересуется, как ты поможешь ему.

– Я еще не знаю.

– Не знаешь, – жена плаксиво протянула, – у вас с папой договор. Ты должен обеспечить интересы семьи. Иначе...

Она не договорила – Жаров тяжело взглянул на нее:

– Я все помню. Все помню. Может даже больше, чем можно и нужно. Интересы семьи в первую очередь.

– Как ты поможешь папе? – снова заладила жена.

Георгий Константинович плюнул и схватился руками за мясо индейки:

– Помогу, ведь мы с ним близкие родственники.

– Конечно, конечно, – согласно закивала жена Президента, – вы очень близкие родственники. Более того, ты продолжатель его светлого и великого дела.

Жаров покивал головой:

– Конечно, я обеспечу дела семьи. Это мой первейший долг и я всегда помню об этом. Чтобы не случилось, сначала семья, а потом эта сраная Россия. Я помню.

Его жена с неожиданной непреклонностью спросила:

– Как? Как, ты поможешь? Мне и моему отцу?

Рот Жарова сжался в мерзкую гримасу:

– На меня давят кругом. Такое впечатление, что я всем должен.

– Конечно, у нас дети. Они должны жить счастливо. И не должны голодать. Они не какие-нибудь вшивые россияне, они швейцарцы.

– Помню, – отмахнулся Президент, и капельки жира попали на стены комнаты.

– Тогда я напомню тебе, что они живут и учатся в Европе. И если Евросоюз откажется от договоров. Если Европа вздумает наложить на нас санкции, то это скажется на них. Европейцы могут их арестовать.

– Я не хотел их посылать в Европу, – энергично жуя, отпарировал Жаров, – прекрасно понимал то, что они станут заложниками в большой политической игре. Это вы с папой настояли. К тому же они там не учатся, а развлекаются в борделях и казино. Для этого они и сбежали из России. В Европе им веселее. А я оплачиваю их бесконечные счета.

– Но, Георгий Константинович, – жена всхлипнула, – ведь девочки должны получить нормальное образование. Стать настоящими леди. А это возможно только в английских школах и университетах.

– Брось, ты Евдокия, – неожиданно назвал свою жену по имени Жаров, – брось. Какие они леди. Ты на нас посмотри, какие мы хозяева мира? Вот такие же они леди.

– Но господин Президент это большая политика...

– Да, – Жаров отбросил на блюдо обглоданные кости индейки, – и я заложник этой сраной политики. Мне даже дышать нельзя без указаний твоего папы и Европы, а ваши спонсоры просто кровь из меня сосут. И министры, что вы мне навязали сплошь рвачи и дураки. А детей перестать голосить. Детей российские Президенты всегда посылали в Европу в качестве залож-

ников. И ничего страшного никогда не случилось. Подумаешь, посидят немного в специальных домах. Хоть мозоли с задниц сойдут.

Неслышно вошла горничная. Она тихо собрала блюда и унесла их. Следом появилась другая горничная, которая элегантно вытерла пальцы Президента, а потом расставила перед Жаровым десерт и кофе.

– О, – протяжно зевнул Президент России, – наконец-то привезли свежий кофе.

– Да, – кротко согласилась жена, – его сегодня утром привезли. Это самый настоящий кофеек. Папа даже специально уточнял твой любимый сорт кофе.

– Он его лаем уточнял или мычанием? – фыркнул Президент. Жаров искривился, но чашку кофе взял. Хороший кофе был слабостью Президента.

– Почему, вам так интересна эта политика, – неожиданно спросил он.

– Но ведь это мы, а не ты являемся выражением интересов семьи. У тебя Жора даже карточек с рабочими часами или бонусами никогда не было. Мы всегда платили за все.

В ответ Жаров резко повернулся и встретил непреклонный взгляд жены.

– Хорошо, – Президент поставил пустую чашку и аппетитно рыгнул, – я сделаю, так как нужно. Как нужно твоему папе.

– Мне можно поговорить с папой? – спросила жена.

– А ты еще не говорила с ним?

– Георгий Константинович, ты такой проницательный.

– Да, – хмыкнул Жаров, – за столько лет я уже привык к вашим штучкам. А вы все строите дешевые домашние комедии.

– Но это только из уважения к тебе, – нежно пропела жена, – папа так любит тебя. Он считает, что ты как президент сильнее его. И больше сделал для России, чем он. Ты действительно достоин называться великим президентом.

– конечно. Только я в волейбол играю хуже, чем папа-тесть, – криво усмехнулся Жаров.

– Это из-за роста. Ты же ниже папы на голову. Но ты милый, не должен ревновать, ведь волейбол папина страсть.

– Ладно, – прервал семейные сопли Президент, – что хочет твой папа?

– Папа, – жена подошла и встала за спиной, – хочет, чтобы ты немедленно договорился с Европой. Это решит все наши семейные проблемы.

– А он знает о конфликте с Сергеевым и Матвеевым?

– Папа все знает. Он считает, что их можно будет уничтожить после антарктической кампании. Война с Антарктидой будет быстрой и простой. Она, безусловно, укрепит твой авторитет. После этой войны еще больше усилиться вертикаль российской власти.

– Да, конечно. То же самое твой папа предрекал накануне Кавказкой войны. А все закончилось провалом новогоднего штурма Майкопа.

– Милый, – теплые и жирные руки жены легли на плечики Георгия Константиновича, – папа не всегда прав, но именно он сделал тебя президентом. Он очень любит тебя.

– Да, – кивнул Жаров, – я помню об этом. Но мне надо преодолеть сопротивление министров. Народ тоже не очень-то жалуется ваши войны. У народа свои семейные интересы.

– У папы тоже были проблемы. Его положение было шатким во время Первой кавказкой войны или когда нас разгромили казанцы. Но из этого он вышел еще сильнее, чем был. Это путь великих президентов.

– Я завтра провожу совещание в секретном комитете зачистки, – Жаров сбросил руки жены со своих плеч, – и там продам это решение. Если папе надо воевать мы будем воевать. Я всегда держу свои обещания. Всегда и везде.

– Ты такая лапочка, – жена погладила Президента России по плешивому черепу, – тебе кого вызвать на ночь? Первую горничную или вторую? Может гимнастку?

– Никого, – отрезал Жаров, – сегодня только потренируюсь в зале, а завтра у меня сложный день. И мне поверь не до баб.

– Хорошо милый, папа сказал бы, что это решение не мальчика, но мужа.

Георгий Константинович снова тихо хмыкнул.

Глава 2

Москва, Москва, как древний Париж любит победителей.

Секретно

Исходящий номер 152/96

Входящий 44/03

Строго для служебного пользования

Передавать только лично

Сотрудниками не ниже 7 федерального класса

Справка

Москва – столица Великой России. Населения – 507 125 человек на 2347 год. Демографический состав населения – великороссы – 76%, отщепенцы и подонки – 17%, неустановленных лиц подлежащих добровольному переселению – 7%.

Врагов народа (ориентировочно, по сведениям РСХА отдел 177) – 3174 человек.

Половозрастной состав населения – мужчин – 48%, женщин – 51%, неустановленного пола – 0,98%.

Граждан до 14 лет – 39%, от 14 до 18 лет – 28%, 18 – 30 лет – 26%, старше 30 лет – 6%, неустановленного возраста – 0,52%, остальных – 0,47%.

Образовательный уровень.

Начальная школа – 97%.

Лицей – 12593 человек.

Университет – 8526 человек.

Военные и специальные образовательные учреждения – *****

Экономическое состояние.

Инновационная экономика – 6371 предприятий повышенной комфортности для персонала. Произведенная продукция в ***** году – на 630 млн. рабочих часов.

Модернизационная экономика – 85201 предприятий нормальных условий труда. Произведенная продукция в ***** году – на 1530 млн. рабочих часов.

Основные экспортные отрасли – туристическая (41% ВВП Москвы), мясозаготовительная – (56% ВВП Москвы).

Основная функция города – столица Великой России.

Настроения населения – нет.

Возможность бунтов – 37% (по методике РСХА отдел 23).

Главные проблемы города. Невозможность обороны с юго-западного и северного направлений. Обширные потенциально мятежные районы по 1 кольцу МКАД. Нехватка сантехников – эксплуататоров правительственных учреждений.

Старший комиссар секретного комитета зачистки.

Подпись, число.

После вторжения в Москву диких казахов заседания секретного комитета зачистки проходили в центральном секторе. Это сектор по терминологии военных назывался зеленым и считался одним из самых безопасных в столице. После Кремля и Сколково, конечно же.

Президент Жаров, поскрипывая новыми сапожками, – их на удачу подарил папа жены, вошел в просторный вестибюль. Здесь было немного холодно, на стенах еще сохранились следы разрядов энергооружия и копоть от пожаров.

«Тоскливо, – подумалось Президенту, – очень тоскливо. Как всегда. Наверное, здание такое мрачное. Аура у него такая и дух тяжелый».

Комитет зачистки был один из немногих органов, которые не подчинялись Президенту. Даже в Правительстве толком не знали, кому именно подчинен комитет зачистки. И подчиняется кому-то вообще.

Не знал этого и сам Жаров. Одно время он думал, что комитетом зачистки командует его тесть – бывший Великий Президент, потом считал, что комитет зачистки подчиняется министру обороны или спонсорам. Но потом пришел к выводу, что комитет зачистки существует сам по себе.

Задача комитета зачистки была проста – собирать информацию и обрабатывать ее, а потом на основе анализа и тайных пророчеств давать советы государственным деятелям великой России.

– Привет, – Президента неожиданно толкнул в бок Петренко. Как он подкрался Георгий Константинович не заметил.

– Привет, – мрачно откликнулся Жаров, – как дела.

– Как сажа бела, – сумничал Петренко и громко засмеялся.

– Прекрасно. Тогда пошли наверх.

Президент и Петренко степенно поднялись на второй этаж. Министр иностранных дел легко толкнул Жарова в бок:

– Смотри и Патриарх здесь.

– Патриарх? – с недоверием переспросил Жаров.

– Ага, – Петренко ткнул пальцем в крупную фигуру у противоположной стены.

Георгий Константинович сощурил свои близорукие глаза и свистнул:

– Так он уже три года никуда не выезжал. В крепости веры своей сидит. Из Донского монастыря ни ногой.

– В том —то, все и дело, – быстро отозвался Петренко, – кто бы мог подумать. И его дернули. Значит все очень серьезно. Патриарха за здорово живешь и не вытянешь. Здесь дело не миллиардное, а триллионное.

– Действительно, – медленно протянул Жаров, – серьезными деньгами запахло. Артистов звали? Патриарх любит плясунов.

– Что вы! Артистов нельзя, – возмутился Петренко, – среди артистов легко могли оказаться ренегаты, супостаты, лжефальсификаторы истории, оппортунисты, правые уклонисты и так называемые рок-музыканты.

– Не всех вычистили? – горько усмехнулся Жаров.

– Всех не переловишь. Они живучие, умело маскируются. Вот на прошлом корпоративе в нашем министерстве корейская стриптизерша как заорет: «Да здравствуют общечеловеческие ценности». Хорошо, что сразу пристрелили провокаторшу.

Жаров тяжело вздохнул. Терли ноги тестины удачливые сапоги, нудно ломило виски. Президента России знобило, ему становилось хуже и хуже.

Тем временем Президент и Петренко подошли к Патриарху. Владыка церкви стоял, широко расставив ноги в высоких блестящих сапогах. Кроме обычного боевого камуфляжа на гагачьем меху на нем была папаха серого каракуля, боевая португеза и скромный орден «Отечество» первой и единственной степени. В руках Патриарх держал золотой посох с острым концом, в который был вмонтирован парализатор.

– Владыка, – склонились одновременно Петренко и Жаров.

– О, – стремительно обернулся к ним Патриарх, – вот она надежда России. Пророки новой эры. Ее меч и защита. Ослябя и Пересвет. Во имя господ нашего! Аллилуйя нах!

– Владыка, – поинтересовался Жаров, – вам не кажется, что сегодня не лучший день для визитов?

– Кажется, кажется, сын мой, – сладко заявил Патриарх, – сегодня день противостояния добра и зла. День перелома, если победим гниду в себе, то жить будем вечно. И царствие божие на Земле узрим при жизни своей чудной. Но все зависит от нас. Сможет испытать свою становую душу – победим. А не сможем – сгинем во мраке мерзком без единого следа. Аллилуйя нах!

Жаров и Петренко понимающе переглянулись.

– А что Владыка, и вас спонсоры замучили? – съерничал министр иностранных дел, – от дел оторвали. Павлинов кормить не дают?

– Фу тебе, – громко прикрикнул на него Патриарх, – не ради выгоды церкви, а только ради Руси Святой я здесь. А вызван порывом души, но направлен перстом господ нашего принявшего смерть мученическую в снегах Голгофы. Покайся! Покайся упырь —атлантист за свои богомерзкие слова! Иначе не станет тебе выхода к свету! Если меркантильные интересы выше судьбы страны родной ставишь.

– Каюсь, уже осознал мерзость свою, – Петренко постучал пальцем по посоху церковника, – а это вам владыка зачем? Птичек кормить?

– Нерадивых учить, – и Патриарх автоматически замахнулся и собрался ударить Петренко по голове, но вовремя спохватился, – брысь нехристь с пластилиновой головой. Ой, уйди от силы моей извечной! Силы русской! Молись богу за чудесное спасение свое! А не имя его очерный пакостными разговорами! Брысь! Во имя господ нашего!

Жаров сумрачно молчал, рассматривая все пребывавших и пребывавших чиновников государства российского.

Петренко не унимался. Он осторожно подергал за край вышитой золотом и стразами хламида Патриарха:

– Так это все же золото? А стразы от Сваровски? От слова своровать? А батюшка?

– Убери руки говнюк, – угрожающе прорычал, Патриарх – грохнул бы тебя, да не хочу о паскудину мараться. И запомни, что вот за такие вопросы святого Василиса Кетарийского ослепили, а потом наказали в известное место. И зазубри, что батюшки объедки на паперти собирают. А я таким откатами рулю, что тебе щенок и не снилось. На живых деньгах сплю. А потому, я не батюшка, а владыка. Просек червь. Аллилуйя нах!

Петренко весело рассмеялся:

– Так – то так Владыка. Но и вас европейские деньги заели?

– Ты Петренко, не пацан, что ли? Не с улицы Ленинградской? – строго сказал Патриарх, – А вообще я, что хочу то и ворочу. На то я и есть Патриарх. Во имя господ нашего! Заткнись мудознаец! Аллилуйя нах!

В ответ Петренко церемонно поклонился, нечаянно толкнул Жаров и пошел в зал заседаний.

– А ты чего уставился на меня, – грозно спросил у Президента рассвирепевший не на шутку Патриарх.

– Владыка, – снова поклонился Георгий Константинович, – благослови. Благослови меня. Господи.

– Э, поклон спины не ломит, – употребил древнюю мудрость Патриарх, – ты чего хочешь то? Аллилуйя нах! Член, что-ли не стоит или секретарь не дает?

– Владыка, я ведь крещенный, – торопливо сказал Президент.

– А это и видно, – пропел Патриарх, – как оглашенный себя ведешь. Даже креста не носишь. От исповеди, сколько лет уклоняешься? А зачем у святой церкви отобрал откаты

с продажи огненной воды и сигарет, запретил кокаином вразнос торговать? Или денег тебе, демократу, мало? Аллилуйя нах!

– Да что вы напраслину наводите, а Владыка? – сглотнул президент России.

Патриарх сурово посмотрел на Жарова:

– А то, что ты не должен был допустить даже этого. Чтобы православные страдали и мучились от извергов иноземных. Всегда ты на посту должен быть. И всегда должен мочь сразиться с нехристями. А не выпрашивать у Патриарха вся Руси виагры дозу малую! Во имя господа нашего! Аллилуйя нах!

– Так я Владыка всегда на посту стою, – невинными глазами Жаров посмотрел на Патриарха.

– Мало, мало, старания, – сладострастно пропел церковник, – мало лести мне. Делом докажи привязанность свою единому богу и единой церкви. И не только словом, но и делом помочь должен. Аллилуйя нах!

– Докажу, докажу Владыка, – покорно склонил голову Жаров.

– А ты дружок случайно не в Расколе крещен, – остро и искоса посмотрел на Президента Патриарх.

Георгий Константинович крупно вздрогнул.

– Вижу, – уже теплее сказал Патриарх, кладя руку на лысеющую голову Жарова, – антихриста одолеешь! Во имя господа нашего! Верь! Аллилуйя нах!

– Верую, – истово откликнулся Жаров и припал губами к руке Патриарха.

– Тогда, пошли, – оттолкнул его Владыка церкви, – нас эти мрази уже заждались. Во имя господа нашего! Кино сейчас показывать будут. Так мне сказал аглицкий посол. Аллилуйя нах!

И, правда небольшой и уютный зал был полон чиновниками и иными проверенными лицами.

Михалкин, невысокий седеющий блондин, крупный коммерсант, а по совместительству, глава комитета зачистки покосился на входившего Жарова и закричал:

– Президент великой и единой России.

Все собравшиеся вскочили. На секунду Георгий Константинович задержался в дверях, рассматривая собравшихся. Но тут получил сильнейший пинок под зад – Патриарх не любил стоять и ждать даже на самых важных заседаниях.

Под аплодисменты Жаров уселся в первом ряду. Михалкин скосил глаза на Президента и торжественно произнес:

– Экстренное заседание секретного комитета зачистки объявляю открытым.

Зал мгновенно пыхнул аплодисментами.

– Господа, не будем терять времени, – Михалкин поправил галстук, – нами получен и расшифрован сигнал который представляет для нас безусловную опасность. Предлагаю сначала посмотреть сообщение, а потом обсудить. И вынести суровый, но справедливый приговор.

В зале одобрительно зашумели.

Михалкин немного отошел в сторону. Стена за ним засветилась и все увидели бледного человека в черном комбинезоне и зеркальных очках.

Зал неодобрительно зашумел.

Незнакомец в черном негромко заговорил, видимо, на староанглийском. Комитетчики включили параллельный перевод:

– Жители Земли! Вы проданы и преданы вашими правителями. Они бросили вас замерзать на остывающей Земле. Ваш удел только предсмертные мучения и гибель. Ваши президенты, короли и парламенты обирают вас, отнимают последний кусок синтетической пищи, а сами питаются выращенным мясом, фруктами и овощами. Они отдыхают в режимных зонах, а вас травят искусственным кокаином и бесконечной работой. Они принудительно мобилизуют ваших отцов и сыновей, ведут их на кровопролитные гражданские войны. В этой бессмыслен-

ной мясорубке их поддерживают гигантские корпорации и прирученная правителями церковь. Вы и только вы оплачиваете своим трудом и кровью их господство, их сверхдоходы и их спокойствие. Но близок час освобождения. Близок тот час, когда и вы простые труженики станете хозяевами жизни, сбросите ярмо угнетения. Скоро народная армия свободной Антарктиды придет к вам в Европу, в Америку, в Азию, в Австралию и железной рукой уничтожит власть насильников и убийц!

Народы Земли! Не подчиняйтесь своим правительствам, вступайте в отряды революционеров и террористов! Смерть угнетателям! Да здравствует свободная Земля!

Сказав это человек снял свои очки. У него был один ярко-голубой глаз, а на месте второго зияла бесконечная пустота. Эта пустота ошеломяла и затягивала.

По экрану пошли помехи и мгновенно он погас.

Зал молчал. Неожиданно Патриарх неистово заорал:

– Я узнал тебя! Сатана! Аллилуйя нах!

Патриарх вскочил рванулся к экрану, но поскользнулся.

– Проклинаю! – собравшихся оглушил рев лежащего навзничь Патриарх.

– Сейчас начнется эпилепсия, – наклонился к Президенту Петренко.

Действительно Патриарх попытался подняться. К нему подскочили охранники, но он оттолкнул их и начал биться в судорогах.

– Этого не хватало, – тихо процедил сидевший во втором ряду военный Сенкевич.

На сцену выскочил Михалкин:

– Это, – он ткнул пальцем в корчащегося Патриарха, – то, что мы предполагали. Сообщение содержит закодированную аудиовизуальную информацию. По нашим прогнозам его показ вызовет бунт во всем мире. Простые цивилизованные граждане сами не желая того превратятся в неуправляемое стадо. А последствия для нашего мира совершенно непредсказуемы. Этот сигнал предназначен для разрушения стабильности и демократии во всем мире. Он послан международным терроризмом. Послан из самого дальнего логова. Из той дыры, где сидят недобитые международные террористы!

Михалкин шумно выдохнул воздух:

– А теперь мы заслушаем сообщение уважаемого координатора наших спонсоров.

Рядом с ведущим на сцене проявился невзрачный мужичок. Георгий Константинович Жаров внимательно присмотрелся и признал в нем того самого неизвестного, убившего вчера прежнего координатора спонсоров.

– Господин Уи На, прошу, – восторженно объявил Михалкин.

Зал зааплодировал.

– Мы есть говорить, – Уи На погрозил кулаком кому-то в зале, – а вы нам помогать. Мы вам давать много денег. Много разных деньг. Европа вам помогать и вы победить. Если вы отказаться, то мы вам не давать денег, Европа тогда идти против вас, и вы умирать. Это так не пройдет. Вы должны их убивать. Глушить вопль терроризма!

Пробормотав все это Уи На выхватил нож (Жаров почему-то подумал, что это тот самый нож которым Уи На убил вчера однорукого корейца) и бросился полосовать им экран на стене.

В зале раздалось недоуменное шипение.

– Спокойно господа, уничтожение экрана уже полностью оплачено нашими спонсорами, – пояснил Михалкин.

Тем временем Уи На закончил кромсать экран и устало посмотрел в зал:

– Вы есть сделать с ними тоже, что я с ним. Если вы не делать это, то вам плохо. Совсем вам кран будет!

Уи На поднял руку с ножом в воздух, громко топнул и сбежал со сцены.

Правители России оглушено молчали. Тем временем Патриарха привели в чувство. Святой владыка поднялся поддерживаемый охранниками и, опираясь на посох и прохрипел:

– Проклинаю супостата! За всех отломлюсь. За откаты ваши и спец сигналы ваши! Отмолюсь перед богом! Один за всех! Все на меня вали! Перед богом в отказ уйду!

Георгий Константинович недоуменно потер глаза.

– Какой энергичный пассаж, – прошептал Петренко на ухо Президенту.

– Дааааа. – только и ответил Жаров.

– Прошу высказываться, – тем временем обратился к залу Михалкин.

В это время Патриарх заревел и снова упал.

– Смелее товарищи, – Михалкин поправил узел галстука, – вы не на правительстве говорите свободно. Здесь можно говорить то, что вы думаете, а не то, что нужно по сценарию.

Первым поднялся Петренко и оглушил Президента Жарова своим голосом:

– У нас нет иного выхода. Надо воевать. Если сигнал пройдет до мониторов рядовых граждан, то последствия будут самые печальные. Уже столетия люди приучены верить всему, что говорят с экранов телевизоров. Если же этот сигнал перебьет трансляцию наших станций, граждане не будут знать, что им делать. А отдельные элементы могут и последовать вредительскому призыву, содержащемуся в этом пресловутом сигнале. Поэтому, мы должны нанести превентивный удар. Мы должны победить. И мы победим, но победим только в союзе с Европой и нашими спонсорами!

– Оно конечно верно, – поддержал его с места министр Сергеев, – но и хозяйство страны забрасывать не следует.

– Не следует, – тут же согласился с ним Матвеев, – не следует...

Его голос прервал рев Патриарха:

– За всех отмолюсь! Душу продам, но Отечество спасу! Господу все шесть процентов отдам! Аллилуйя нах!

Патриарх упруго поднялся, выскочил на сцену и ударил посохом в настил:

– Сказал, отмолюсь! Значит отмолюсь. Да! Не бздите суки! Решайте по совести! Аллилуйя нах!

Охранники подхватили владыку на руки, бережно опрокинули навзничь и отнесли к основанию сцены.

– Высказываемся господа, – продолжал вести комитет зачистки Михалкин, – иначе скоро отключим отопление, вас закроем, а ключи заберем с собой. И будем вас здесь держать и морозить, пока не решите.

– А что говорить, – подался вперед военный министр Сенкевич, – дайте приказ и великая российская армия победит! Всех победит! Что нам какие-то международные террористы из Антарктиды!

– Дадите приказ Георгий Константинович, – обратился к Жарову Михалкин.

– Я, – начал говорить Президент России.

Но Патриарх истошно заорал:

– Во имя господа нашего! За всех отмолюсь! Все грехи прощу! За всех отмолюсь! Быдло! Гопники! Быдло замкадное! Господу сам откачу по первому пункту! Аллилуйя нах!

К Патриарху побежала врачебная бригада с медбратьями. Вскоре, после шума борьбы Патриарх, наконец, замолчал.

– Я, – неуверенно продолжил говорить Жаров, – сначала хотел бы выслушать мнение оракула.

– Правильно, – тепло поддержал его Сергеев, – оракул может многое разъяснить в этом деле. Нужен агнец на заклание.

– Да, дельно, – отозвался Сенкевич, – так всегда делается. Издавна так повелось. Еще деды наши без оракула ничего не решали.

– Дипломатично, – тихо сказал Петренко.

Михалкин вздохнул, такая задержка была ему не по душе, но он был обязан, подчинится желанию собравшихся, выслушать оракула. Такой порядок был заведен с Первого Великого Президента, нарушить его не было никакой возможности.

– Хорошо, – обреченно махнул рукой Михалкин, – выслушаем оракула. Надеюсь, что оракул готов и скоро будет здесь. Нам не редеться делать рекламную и музыкальную паузу.

Сказав это Михалкин, что-то быстро набрал на личном компьютере. В зале притихли, затих даже связанный Патриарх.

Оракул был важнейшим козырем секретного комитета зачистки. Комитет издавна собирал со всего мира людей с тайными параспособностями и «натаскивал» их на оракулов. Быть оракулом было престижно, но не безопасно, не все доживали до пенсии положенной после двадцатилетней пророческой службы. Но пост оракула был очень значим – когда оракул входил в транс, то мог сообщить результат того или иного государственного решения. Самое странное, что предсказания оракула всегда сбывались (98% по государственной статистке России).

Вскоре в зал вошли три прислужника оракула в фиолетовых одеждах, за ними шесть прислужников оракула в красных комбинезонах внесли черный куб, замыкали шествие еще три прислужника оракула в зеленых одеждах.

Тихо заиграла музыка.

Прислужники в красном медленно и, как казалось, торжественно поставили куб.

Свет в зале стал заметно тусклее. В полумраке в зал вошел невысокий человечек в белой одежде.

– Оракул, – зычно крикнул он, – оракул! Смирно!

Куб качнулся.

Музыка стихла.

– Оракул, вольно! Готов ли ты оракул! – снова выкрикнул человек в белых одеждах.

Внезапно стенки куба сложились вниз, и перед залом предстал оракул. На этот раз оракулом была скрюченная женщина в костюме голубой радиоактивной парчи.

– Готов! – истошно крикнула женщина – готов оракул!

– Что знаменуеть ты? – спросил человек в белом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.